

ОРЛОВСКІЯ
Епархіальныя Вѣдомости,

издаваемые при Орловской Духовной Семинаріи.

I ГОДЪ.

Годовая цѣна съ пе-
ресылкою 6 р. 50 к.

№ 38.

Изданіе
еженедѣльное.

21-го сентября 1914 года.

ОТДѢЛЬ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода за № 15124. Преосвященному Григорію, Епископу Орловскому и Сѣвскому.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный въ 6 день сентября сего года всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи ректору Уфимской духовной семинаріи архимандриту Павлу Епископомъ Елецкимъ, викаріемъ Орловской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и хиротонія его во Епископа произведены были въ Петроградѣ.

Приказали: Объ изъясненномъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ всеподданиѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода увѣдомить Ваше Преосвященство.

Сентября 10 дня 1914 г.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Орловская Духовная Консисторія предписываетъ духовенству епархіи 8 октября, въ 40-й день кончины Преосвященнѣйшаго Митрофана, Епископа Елецкаго, совершить заупокойную литургію и поминовение почившаго.

Слушали отношеніе Предсѣдателя состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Военскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, отъ 29 августа 1914 года за № 840, на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Григорія, слѣдующаго содержания: „Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 27—28 августа 1913 года за № 7675, распубликованнымъ въ № 37 „Церковныхъ Вѣдомостей“ отъ 14 сентября 1913 года, состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Военскому Благотворительному Обществу Бѣлаго Креста разрѣшено произвести, для усиленія своихъ средствъ, повсемѣстный сборъ пожертвованій въ церквахъ Имперіи въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы 21-го ноября 1914 года.

Приступая нынѣ къ организациі этого сбора, Комитетъ Военскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста считаетъ своимъ долгомъ обратиться прежде всего къ Вашему Преосвященству, съ почтительнѣйшей просьбою благословить доброе дѣло оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ русскихъ воиновъ, убитыхъ и раненыхъ на войнѣ и потерявшихъ здоровье на службѣ, не отказавъ въ Вашемъ благосклонномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи къ благопріятному осуществленію вышеупомянутаго сбора на нужды Общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ Общества, полагая въ не-
продолжительномъ времени обратиться съ соотвѣтствующими
по названному сбору воззваніями ко всѣмъ благочиннымъ
и настоятелямъ церквей и монастырей, всепокорнѣйше про-
симъ Ваше Преосвященство, въ видахъ успѣшности пред-
стоящаго сбора и устранения какихъ-либо при этомъ недора-
зумѣній, не отказать въ распоряженіи, подтвердить состо-
явшееся объ этомъ вышеприведенное опредѣленіе Св. Синода,
вмѣстѣ съ просьбою Комитета о содѣйствіи этому сбору
особымъ объявленіемъ духовенству епархіи, черезъ напе-
чатаніе въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Приказали: Содержаніе настоящаго отношенія объявить
духовенству епархіи, къ должному, въ чемъ слѣдуетъ, испол-
ненію, съ тѣмъ, чтобы собранныя пожертвованія были не-
медленно отосланы подлежащимъ благочиннымъ для отсылки
послѣдними, непосредственно отъ себя, въ Комитетъ Воин-
скаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста по адресу:
Петроградъ, Очаковская у., д. № 4—6 (близъ Смольн. мона-
стыря).

Епархіальныя извѣстія.

Опредѣлены, согласно прошенію, на священническія мѣста:
къ ц. с. Робыя, Карачевского уѣзда, окончившій курсъ Ор-
ловской духовной семинаріи Андрей **Андреевъ**,—10 сентября,
къ ц. с. Крыжина, Брянскаго уѣзда, окончившій курсъ се-
минаріи Іосифъ **Яровскій**,—12 сентября; на діаконское мѣсто
къ ц. с. Соловьева, Елецкаго уѣзда, изъ окончившихъ курсъ
Тифлисскаго духовной семинаріи Сергій **Соколовъ**,—15 сен-
тября и учителемъ Спасо-Чекрякской второклассной школы
псаломщикъ ц. с. Покровскаго, Елецкаго уѣзда, Константинъ
Яковлевъ,—9 сентября; на псаломщическія мѣста: изъ окончив-
шихъ курсъ семинаріи: къ ц. с. Бакланова, Орловскаго уѣз-
да, Михаилъ **Звягинцевъ** и къ Михаило-Архангельской гор.
Ельца ц. Тихонъ **Орловъ**,—10 сентября.

Допущены на испытаніе къ исполненію псаломщическихъ обя-
занностей: при ц. с. Тапкова, Кромскаго уѣзда, сынъ
псаломщика Николай **Виноградскій**,—10 сентября и Боршни,

Трубчевскаго уѣзда, окончившій курсъ Сѣвскаго духовнаго училища Леонидъ **Кавказскій**,—17 сентября.

Перемѣщены, согласно прошенію: *святенникъ* ц. с. Алмазова, Кромскаго уѣзда, Михаилъ **Розановъ**—къ ц. с. Мельхова, того-же уѣзда,—14 сентября и *псаломщики* церквей сель: Вздружнаго, Трубчевскаго уѣзда, Иванъ **Могилевскій**—къ ц. с. Соловьева, Карачевскаго уѣзда,—10 сентября, Губкина, Малоархангельскаго уѣзда, Григорій **Данковъ**—къ ц. с. Ворова, Малоархангельскаго уѣзда,—14 сентября; Домахи, Дмитровскаго уѣзда, Родіонъ **Кузнецовъ**—къ ц. с. Ивани, Малоархангельскаго уѣзда,—17 сентября и по распоряженію Епархіальнаго начальства, *псаломщикъ* с. Коноплянки, Болховскаго уѣзда, Илья **Лосевъ**—къ ц. с. Зернова, Сѣвскаго уѣзда,—11 сентября.

Утверждены въ должности члена Благочинческаго Совѣта *святенники*: Пятницкой ц. с. Чернавска Николай **Высоцкій** по 2 Елецкому округу, села Андросова Симеонъ **Благовѣщенскій** по 3 Дмитровскому округу и с. Алешковичи Александръ **Радинъ** по 5 Сѣвскому округу,—11 сентября.

Утверждены въ должности законоучителей начальныхъ училищъ *святенники* церквей сель: Губкина, Малоархангельскаго уѣзда, Валентинъ **Поповъ**—въ Губкинской и Бѣлозеровской, Сулова, Дмитровскаго уѣзда, Клавдій **Рязановъ**—Горякинскаго Островска, того же уѣзда *діаконъ* Іоаннъ **Пановъ**—Хряпковскаго училища,—10 сентября; Карачевскаго приходскаго мужскаго училища *святенникъ* Троицкой г. Карачева ц. Веніаминъ **Синайскій**—11 сентября; по Трубчевскому уѣзду *святенники* церквей сель: Ямнаго, Іоаннъ **Нефедьевъ**—Яменскаго, Котовки Николай **Бунинъ**—Котовскаго, Семячкова Дмитрій **Одринскій**—Войборовскаго,—12 сентября; Ямнаго Іоаннъ **Нефедьевъ**—Чухраевскаго и по Кромскому уѣзду *святенники* церквей сель: Кривчикова Петръ **Сыровадко**—Малорышковскаго, Студенка Іосифъ **Спасскій**—Студенецкаго, Покровскаго Іоаннъ **Соколовъ**—Покровскаго, Шеховцева Алексій **Мишинъ**—Гостомльскаго, Стараго Гнѣздилова Викентій **Генерозовъ**—Мелиховскаго, Красникова Николай **Тропольскій**—Красниковскаго, Щира Митрофанъ **Казанскій**—Орѣховскаго, Добрыни Никита **Рождественскій**—Добрынскаго училища,—15 сентября.

Почисленъ за штатъ, согласно прошенію, *псаломщикъ* Соборной г. Болхова ц. Сергій Дроздовъ,—10 сентября.

Умеръ заштатный священникъ ц. с. Кротова, Дмитровскаго уѣзда, Алексѣй Митропольскій,—13 августа.

Праздныя священно-церковно-служительскія мѣста.

Священническія.

1) При *Тюремной г. Мценска ц.*,—съ 28 іюня, церковь безприходная, при ней по штату положенъ одинъ священникъ. На содержаніе его получается 150 р. отъ Уѣздн. Земства и 180 р. отъ Тюремнаго Отдѣленія въ годъ.

2) Въ с. *Богородицкомъ-Алешанки, Ир. у.*,—съ 22 августа, число душъ м. п. 1916, земли 54 д. Причтъ 3 членный.

3) Въ с. *Казинкѣ, Ств. у.*,—съ 26 іюля, число душъ м. п. 890, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.

4) Въ с. *Ровнецѣ, Лив. у.*,—съ 25 августа, число душъ м. п. 2230, земли 37 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 штатн.

5) Въ с. *Архангельскомъ на Неручи, Малоарх. у.*,—съ 23 августа, число душъ м. п. 2440, земли 41 д. Причтъ 2 шт.

6) Въ с. *Большомъ, Лив. у.*,—съ 27 августа, число душъ м. п. 2025, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

7) Въ с. *Алмазовѣ, Кр. у.*,—съ 14 сентября, число душъ м. п. 1704, земли 88 д., каз. жал. 800 р. Причтъ 2 штатный.

Праздныя мѣста запасныхъ священниковъ.

Въ *Болховскомъ у.*—въ градскомъ, во 2 и 3 благочин. ок

„ *Брянскомъ*—въ 1 и 5 окр.

„ *Дмитровскомъ*—во 2 и 3 окр.

„ *Елецкомъ*—въ градскомъ, во 2 и 3 окр.

„ *Карачевскомъ*—въ 1 и 3 окр.

„ *Кромскомъ*—въ 3 округѣ.

„ *Малоархангельскомъ*—во 2 округѣ

„ *Мценскомъ*—въ 1 и 2 окр.

„ *Ливенскомъ*—во 2, 3 и 4 окр.

„ *Орловскомъ*—въ 1 округѣ.

„ *Съвскомъ*—въ 1, 3 и 4 округъ.

„ *Трубчевскомъ*—въ 1 округъ.

Б) Діаконскія.

1) Въ с. *Воронцъ*, *Кромск. у.*,—съ 8 марта, число душъ м. п. 2256, земли 45 дес. Причть 2 штатный.

2) Въ *Никитскомъ-Солнцевъ*, *Орл. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 1328, земли 45 д. Причть 3 членный.

3) Въ с. *Васильевскомъ Синковцъ*, *Лив. у.*,—съ 21 марта, число душъ м. п. 826, земли 37 д., каз. жал. 550 р. Причть 3 членный.

4) Въ с. *Бурдинъ*, *Елец. у.*,—съ 17 іюня, число душъ м. п. 1503, земли 40 дес. Причть 3-хъ членный.

5) Въ с. *Колодезь-Куначъ*, *Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 1578, земли 36 д. Причть 3 членный.

6) Въ с. *Успенскомъ-Галичь*, *Лив. у.*,—съ 18 іюля, число душъ м. п. 1771, земли 37 д. Причть 3 членный.

7) Въ с. *Кривцовой Плотъ*, *Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 985, земли 38 д., каз. жал. 550 р. Причть 3 чл.

8) Въ с. *Волковъ*, *Дм. у.*,—со 2 ноября, число душъ м. п. 1371, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причть 3 членный.

9) Въ с. *Гнилой Плотъ*, *Мал. у.*,—съ 3 февраля, число душъ м. п. 1113, земли 33 д. Причть 3 членный.

10) Въ с. *Петропавловскомъ*, *Елецк. у.*,—съ 8 ноября, число душъ м. п. 1376, земли 36 дес. Причть 3-хъ членный.

11) Въ с. *Красномъ на Соснъ*, *Малоарх. у.*,—съ 27 января, число душъ м. п. 2237, земли 50 д. Причть 2 штатный.

12) Въ с. *Арельскъ*, *Трубч. у.*,—съ 7 января, число душъ м. п. 1681, земли 36 д. Причть 3 членный.

13) Въ с. *Богословскомъ-Блудовъ*, *Орл. у.*,—съ 8 мая, число душъ м. п. 1379, земли 43 д. Причть 3 членный.

14) Въ с. *Селечни*, *Съв. у.*,—съ 30 мая, число душъ м. п. 1912, земли 66 д. Причть 3 членный.

15) Въ с. *Молодовомъ*, *Кар. у.*,—съ 20 іюня, число душъ м. п. 1328, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причть 3 членный.

16) Въ с. *Быки*, *Съв. у.*,—съ 27 іюня, число душъ м. п. 1547, земли 36 д. Причть 3 членный.

17) Въ с. *Студенкѣ*, *Кромск. у.*,—съ 4 іюля, число душъ м. п. 1262, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

18) Въ с. *Асовицѣ*, *Сѣв. у.*,—съ 19 іюля, число душъ м. п. 1231, земли 37 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о прочихъ праздныхъ діаконыхъ мѣстахъ открывшихся болѣе 6-ти мѣсяцевъ тому назадъ, можно получать въ Канцеляріи Консистоіи изъ справочной о мѣстахъ книги.

В) Псаломщическія.

1) Въ с. *Покровскомѣ*, *Ел. у.*,—съ 9 сентября, число душъ м. п. 1413, земли 82 д. Причтъ 3 членный.

2) Въ с. *Лебедкѣ*, *Орл. у.*,—съ 20 августа, число душъ м. п. 1096, земли 47 д. Причтъ 3 членный.

3) При *Тихоновской богадѣленской г. Болхова ц.*,—съ августа, церковь безприходная. Причтъ 2 членный. На содержаніе причта получаютъ 0/0 сь капитала 6530 р.

4) Въ с. *Вздружномѣ*, *Тр. у.*,—съ 10 сентября, число душъ м. п. 607, земли 43 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

5) Въ с. *Домахѣ*, *Дм. у.*,—съ 17 сентября, число душъ м. п. 791, земли 78 д., каз. жал. 539 р. Причтъ 3 членный.

6) При *Рождество-Богородицкой г. Ельца ц.*, число душъ м. п. 1035, земли 73 д. Причтъ 2 штатный.

СПИСОКЪ

учениковъ Ливенскаго духовнаго училища, имѣющихъ въ живыхъ родителей и получившихъ по опредѣленію педагогическаго собранія училищнаго Правленія отъ 27 августа сего года церковно-окружное содержаніе или денежное пособіе на 1914—1915 учебный годъ.

А) полное церковно-окружное содержаніе.

4-го класса: Константинъ Адамовъ—сынъ заштатнаго священника села Парахина, Ливенскаго уѣзда, Владиміръ

Діомидовъ—сынъ псаломщика села Черемушнаго, Ливенскаго уѣзда, Николай Адамовъ—сынъ священника села Успенскаго, Елецкаго уѣзда, Михаилъ и Константинъ Острова (обучаются во 2 Орловскомъ духовномъ училищѣ)—сыновья заштатнаго діакона-псаломщика села Хутора-Березовки, Елецкаго уѣзда; 3 го класса: Виталій Аѳонскій—сынъ діакона села Космодамианскаго, Ливенскаго уѣзда и Леонидъ Поповъ—сынъ священника села Грязцовъ, Ливенскаго уѣзда; 2-го класса: Семень Жаворонковъ—сынъ псаломщика села Пеньшина, Ливенскаго уѣзда, Николай Успенскій—сынъ священника села Волчья, Ливенскаго уѣзда, Николай Михайловъ—сынъ священника села Ровнеца, Ливенскаго уѣзда и Тимошей Дрофеевъ—сынъ псаломщика села Вышняго Ольшанаго, Ливенскаго уѣзда; 1 го класса: Николай Діесперовъ—сынъ псаломщика села Пониковца, Елецкаго уѣзда; приготовительнаго класса: Александръ Ростовскій—сынъ псаломщика села Навѣснаго, Ливенскаго уѣзда и Аркадій Введенскій—сынъ псаломщика села Аргамачьей Пальны, Елецкаго уѣзда.

Б) половинное церковно-окружное содержаніе.

4 класса: Алексѣй Аѳонскій—сынъ діакона села Космодамианскаго, Ливенскаго уѣзда, и Тихонъ Копьевъ—сынъ священника села Георгіевскаго, что на Соснѣ, Ливенскаго уѣзда; 3 класса: Всеволодъ Лебедевъ—сынъ священника села Ровнеца, Ливенскаго уѣзда; 2 класса: Константинъ Говоровъ—сынъ священника села Норовки, Ливенскаго уѣзда, Гавріиль Орловъ—сынъ священника села Гатища, Ливенскаго уѣзда, и Тихонъ Воскресенскій—сынъ діакона села Успенскаго-Медвѣжья, Ливенскаго уѣзда; 1 класса: Валерій Архангельскій—сынъ діакона села Баранова, Ливенскаго уѣзда, и Михаилъ Германовъ—сынъ діакона села Подворгольскаго, Елецкаго уѣзда; приготовительнаго класса: Василій Преображенскій—сынъ псаломщика села Архангельскаго-Куракина-Танѣева, Елецкаго уѣзда, и Серафимъ Ильинскій—сынъ священника села Злобина Воргла, Елецкаго уѣзда.

В) денежные пособия.

4-го класса: Михайлъ Ивановъ—сынъ священника села Михайловскаго-Хлюстина, Ливенскаго уѣзда,—14 р. 75 к. и Василій Діесперовъ—сынъ псаломщика села Пониковца, Елецкаго уѣзда—25 р.; 3-го класса: Сергѣй Троицкій—сынъ священника села Здоровца, Ливенскаго уѣзда,—50 р. и Игорь Ливановъ—сынъ священника села Колодезя-Кунача, Ливенскаго уѣзда,—20 р.; 2-го класса: Евгений Орловъ—сынъ священника села Коротыша, Ливенскаго уѣзда,—26 р., Митрофанъ Ивановъ—сынъ священника села Рождественскаго на Тиму, Ливенскаго уѣзда,—15 р., и Иванъ Говоровъ—сынъ псаломщика села Гатиша, Ливенскаго уѣзда,—19 р.; 1-го класса: Тихонъ Ильинскій—сынъ священника села Злобина-Воргола, Елецкаго уѣзда,—12 р. 82 к. и Андрей Андреевскій—сынъ священника села Ивановскаго Яблонова, Елецкаго уѣзда,—20 р.; пригготовительнаго класса Александръ Капитанниковъ—сынъ псаломщика села Якова, Елецкаго уѣзда,—25 руб.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ Правленія Орловской Духовной Семинаріи.

Правленіе Орловской Духовной Семинаріи симъ увѣдомляетъ, что учебныя занятія съ воспитанниками VI и V класса открываются 2 октября. Къ означенному сроку воспитанники этихъ классовъ должны явиться въ семинарію, причемъ Правленіе предупреждаетъ, что, въ виду занятія зданія семинаріи подъ военный госпиталь, общежитія въ семинаріи не будетъ. Всѣ воспитанники, какъ казеннокоштные, такъ и пансіонеры должны будутъ размѣщаться на частныхъ квартирахъ. Казеннокоштные должны поэтому заблаговременно озаботиться наймомъ себѣ квартиръ и изыскать средства для своего содержанія; Правленіе же семинаріи будетъ выдавать лишь самое небольшое пособіе.

Приѣзжающіе въ семинарію воспитанники должны являться къ Инспектору семинаріи въ зданіи образцовой школы.

Относительно занятій воспитанниковъ I—IV классовъ будетъ объявлено особо черезъ Орловскія Епархіальныя Вѣдомости.

Отъ Совѣта Орловскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Симъ извѣщаются родители обучающихся въ 6-хъ и 7-хъ классахъ Орловскаго Епархіальнаго Училища ученицъ, что съ 1-го октября сего года по означеннымъ классамъ въ помѣщеніяхъ Орловскихъ церковныхъ школъ откроются занятія.

Для сиротъ будутъ подысканы квартиры, а для остальныхъ должны подыскать квартиры родители ученицъ, съ указанія Начальницы.

Отъ Правленія 1-го Орловскаго духовнаго училища.

1) Правленіе 1 Орловскаго духовнаго училища доводитъ до свѣдѣнія родителей и родственниковъ учениковъ училища, что, по постановленію Епархіальнаго Съѣзда сесіи текущаго года, зданіе 1-го училища отводится подъ лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ имени Орловской епархіи.

2) Учебныя занятія для учениковъ III и IV классовъ начнутся съ 25 сего сентября (послѣ молебна) въ зданіи 2 Орловскаго духовнаго училища; явка учениковъ сюда же— 24 сентября.

3) Въ виду того, что въ зданіи 2 Орловскаго духовнаго училища могутъ быть помѣщены только ученики, принятые на церковно-окружное содержаніе (казенные и полуказенные),

родители остальныхъ учениковъ должны озаботиться заблаговременно пріисканіемъ квартиръ для своихъ дѣтей.

4) Справки о квартирахъ, разрѣшенныхъ училищнымъ начальствомъ, можно получать въ зданіи 2 Орловскаго духовнаго училища у дежурныхъ лицъ инспекторскаго надзора.

5) О времени открытія учебныхъ занятій съ учениками I и II классовъ будетъ объявлено особо.

Къ свѣдѣнію духовенства и церковныхъ старостъ Орловской епархіи.

Комитетъ Госпиталя Краснаго Креста имени Орловской епархіи настоящимъ приглашаетъ черезъ поименованныхъ лицъ всѣхъ усердствующихъ къ пожертвованіямъ деньгами, бѣльемъ, холстомъ, продуктами и проч. на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ, съ покорнѣйшею просьбою направлять таковыя на имя Комитета въ г. Орель, при 1 Орловскомъ духовномъ училищѣ.

Отъ Правленія 2-го Орловскаго духовнаго училища.

Правленіе 2-го Орловскаго духовнаго училища доводитъ до свѣдѣнія духовенства 2 го училищнаго округа объ открытіи въ училищѣ учебныхъ занятій для учениковъ 3 и 4 классовъ съ 23 сентября 1914 г., къ каковому числу ученики означенныхъ классовъ и должны явиться въ училище.

Отъ Орловскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Епархіальный Училищный Совѣтъ, согласно журнальному своему опредѣленію отъ 3-го сего сентября, утвержденному Его Преосвященствомъ, предлагаетъ о.о. завѣдующимъ, учащимъ и попечителямъ церковно-приходскихъ школъ, по возможности, принять мѣры къ открытію церковно-школь-

ныхъ попечительствъ, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному Положенію о нихъ (Церк. Вѣд. 1914 г., № 33).

Орловскій Епархіальный Архитекторъ,

— Гражданскій Инженеръ Б. Г. Перетятковичъ —

принимаетъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность по церковно-строительнымъ дѣламъ еженедѣльно по вторникамъ и средамаъ.

Адресъ: Г. Орелъ. Садовая ул., д. № 2, доктора Христочевскаго, телефонъ № 227.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Указъ изъ Святѣйшаго Синода Преосвященному Григорію, Епископу Орловскому и Сѣвскому. 2. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 3. Епархіальныя извѣстія. 4. Праздныя мѣста. 5. Списокъ учениковъ Ливенскаго духовнаго училища. 6. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи

Протоіерей **В. Сахаровъ.**

ОРЛОВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

21 сентября № 38. 1914 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Война, Россія и славянство.

Война, которую мы теперь переживаемъ, несомнѣнно измѣнитъ наше отношеніе къ западной культурѣ. Разумѣется, теперь трудно предвидѣть эти измѣненія. Но нѣкоторыя сказались уже и теперь. На эти измѣненія указываетъ г. Булгаковъ въ „Утрѣ Россіи“, объ нихъ говорятъ и другіе органы свѣтской печати. Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя касаются вѣры и церкви.

Рухнула прежде всего вѣра въ западъ, то западничество, которымъ опредѣлялось міровоззрѣніе, если не самой глубокой, то наиболѣе вліятельной части русской интеллигенціи, начиная съ временъ Петра Великаго. Впечатлѣнія жизни неотразимы. „Петербургская“ эпоха русской исторіи кончается именно теперь, что бы ни несла съ собою новая „петроградская“. И не надо ни смягчать, ни затушевывать всю значительность происходящаго кризиса, надо, напротивъ, поставить проблему со всей остротой, безъ уклончивости, отводовъ и софизмовъ.

Не объ одномъ лишь „германизмѣ“ идетъ рѣчь, но до извѣстной степени и вообще объ европейской культурѣ, этомъ созданіи „новой исторіи“. Конечно, ни въ какомъ случаѣ нельзя забыть о различіи національныхъ типовъ въ евро-

пейской культурѣ и распространять индивидуальныя черты германства на всѣ европейскіе народы. Однако, германство не есть вѣдь какая-то болѣзненная паршъ или нарость на европейской культурѣ, оно является скорѣе ея форпостомъ. Ибо нельзя отрицать, что за истекшее столѣтіе въ семьѣ европейскихъ народовъ германству принадлежитъ одна изъ руководящихъ ролей. За послѣднюю же четверть вѣка въ духѣ германства всего полнѣе выражался духъ европеизма, пульсъ цивилизаціи бился напряженнѣе всего именно здѣсь, „творческій ея порывъ“ осуществлялся прежде всего нѣмцами, нѣмецкіе университеты вмѣстѣ съ германской промышленностью покоряли міръ, вообще темпъ прогресса здѣсь былъ болѣе быстрымъ, и изъ всѣхъ западныхъ странъ только Германія не обнаруживала почти никакихъ признаковъ начинающагося упадка или застоя.

И особенно для насъ, русскихъ, невозможно забыть объ этой господствующей роли Германіи въ европейской цивилизаціи, ибо это господство намъ пришлось испытать на себѣ въ полной мѣрѣ.

Сознаніе несовершенствъ западной культуры должно естественно повлечь насъ на пути самостоятельнаго культурнаго творчества.

Русская культура должна искать своихъ собственныхъ родниковъ, а истоки культуры тамъ же, гдѣ и всякаго культа почитанія святынь,—въ религіи. Религіозныя ростки русской культуры изсушились европейскимъ рационализмомъ, понятымъ нашимъ западничествомъ не какъ болѣзнь Европы, но какъ ея жизненное начало. Россія можетъ стать или посредственной Европой второго изданія и обезличиться во всенивелирующемъ европейскомъ мѣщанствѣ, которое такъ болѣзненно ненавидѣлъ К. Леонтьевъ, или же искать своего творческаго культурнаго пути, который можетъ оказаться спасительнымъ и для Европы, какъ это грезилось въ Пушкинской рѣчи Достоевскому. Вмѣстѣ съ военнымъ подвигомъ Россіи принадлежитъ подвигъ творческаго національнаго самосознанія.

Національное самосознаніе наше есть именно тотъ благовѣстный зовъ на праздникъ нашего обновленія, которой обѣщаетъ дать намъ война, но война открываетъ и болѣе

широкія перспективы. Дѣло идетъ объ освобожденіи не только Россіи, но и всего славянства изъ—подъ тяжелой тевтоновской пяты!

Быть можетъ, никогда въ исторіи Россіи и славянства не было эпохи болѣе важной, минуты болѣе трагической. Пережитое славянскими народами монгольское и турецкое владычество не могло быть прочнымъ. Оно и возникло только благодаря случайной разрозненности славянскихъ силъ и сравнительно легко было сброшено при несомнѣнномъ преимуществѣ культурнаго развитія поработенныхъ надъ поработителями. Наполеоновское вторженіе въ Россію тоже носило характеръ чисто эпизодическаго предпріятія, которое не могло не окончиться крушеніемъ всей карьеры честолюбиваго корсиканца. Расцвѣту русской и славянской культуры не могъ угрожать ни Батый, ни Омаръ, ни Наполеонъ, эти калифы на часъ, которые приходили и уходили, какъ случайно пронесшіяся грозы, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ психологіи временно покоренныхъ народовъ.

Совсѣмъ другое дѣло германское владычество. Оно налагаетъ свою тяжелую руку на самую душу народовъ и смотритъ на славянство, какъ на человѣческой навозъ, предназначенный только удобрять поля Азіи и Европы для пышнаго расцвѣта германской культуры. Гдѣ разъ упрочился нѣмецъ, тамъ должно вымереть все славянское. Военственный кличъ изъ Берлина и Вѣны: „Nach Osten“—на Востокъ!“—звучитъ, какъ грозный призывъ всего славянства къ рѣшительной борьбѣ за національное существованіе. На ставку поставлена участь грядущихъ поколѣній, судьба нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, которые или будутъ вынуждены потерять свой національный обликъ подъ пятою восторжествовавшаго германизма, или же разовьютъ свой собственный національно-русскій и славянскій строй жизни на широкомъ просторѣ національности, отстоять которую своею грудью выпало на долю нашему поколѣнію.

Таковъ сокровенный смыслъ развертывающихся историческихъ событій. Онъ былъ чутко уловленъ и нашими правящими верхами, и нашими отзывчивыми низами съ самаго начала возникшихъ осложненій. Всѣ ясно поняли, что подъ видомъ „карательной экспедиціи“ противъ непокорнаго

славянскаго государства въ дѣйствительности начинается послѣдній актъ *великой расовой борьбы*. Въ ясномъ сознаніи кровной связи, соединяющей насъ съ балканскими славянами, Россія не могла отдѣлить себя отъ Сербіи и вступилась за обще славянскія права и самобытное существованіе славянскихъ народовъ.

Национальное освобожденіе славянскихъ народовъ изъ-подъ владычества западныхъ государствъ всегда сопровождалось возвращеніемъ этихъ народовъ въ лоно православной церкви. Въ данный разъ несомнѣнно совершится его возвращеніе къ православію въ Червонной Руси. Отошедшая подъ нѣмецкое владычество, Червонная Русь одна до послѣдняго времени несетъ старый религіозный крестъ. Здѣсь до сихъ поръ православіе находилось въ томъ положеніи, какъ оно было въ Польшѣ, придавленное унией и католичествомъ. Утвержденіе русской государственности тотчасъ положитъ конецъ стѣсненіямъ за вѣру. Отторгнутые насиліемъ воссоединятся любовью. Старый Галичъ, нѣкогда центръ галицкой митрополіи, снова войдетъ въ составъ русской церкви. Завершеніе національнаго объединенія будетъ завершеніемъ и объединенія церковнаго. Въ старыхъ церковныхъ историческихъ единицахъ русскихъ Галичъ будетъ послѣдней, возвращающейся въ домъ отчій. Народъ и церковь имѣютъ такимъ образомъ одинъ общій идеаль, для осуществленія котораго нельзя жалѣть никакихъ усилій. Нынѣшняя борьба народовъ—героическая борьба; но и цѣли ея стоятъ героическаго подвига.

В. Т—цкий.

Присоединеніе къ Православію галичанъ.

Едва русскіе заняли Галицію, какъ, давно ждавшіе освобожденія отъ чужеземнаго гнета, русины стали принимать Православіе. Недавно имѣлъ мѣсто первый случай массоваго обращенія галичанъ въ Православіе.

Въ 10 верстахъ отъ Почаева, въ Галиціи, лежатъ села: Поповцы, Немяче и дер. Дудинъ, составляющіе до сего времени одинъ униатскій приходъ. Жители этого прихода, посѣщавшіе еще до войны Почаевскую Лавру, теперь рѣшили

присоединиться къ Православію. Осуществить это доброе намѣреніе помогли имъ односельчане ихъ—Борецкіе, получившіе на Волыни духовное образованіе (въ семинаріи).

27 августа священникъ Борецкій устроилъ крестный ходъ изъ Поповець въ Почаевъ съ галичанами, пожелавшими присоединиться къ Православію. Около 4 час. дня въ Почаевъ можно было наблюдать умиленную картину.

Съ Лаврской галереи было видно, какъ показалась толпа народа, растянувшаяся по дорогѣ длинной полосой. Къ этому времени здѣсь собралось довольно значительное число нашихъ крестьянъ богомольцевъ, прибывшихъ къ празднованію памяти преп. Іова.

Загудѣлъ Лаврскій колоколь. Мощные звуки его лились въ воздухъ и какъ бы радостно звали всѣхъ къ встрѣчѣ зарубежныхъ братьевъ... Вышло за св. ворота Лавры съ крестнымъ ходомъ духовенство. Вотъ уже было слышно общее пѣніе галичанъ. Припѣвы: *Пресвятая Богородице, Спаси насъ! Преподобный отче нашъ Іове, моли Бога о насъ*—становятся все громче и яснѣе. Наконецъ, встрѣтились двѣ волны народа, склонились съ обѣихъ сторонъ хоругви. Наступилъ трогательный моментъ. У многихъ были видны на глазахъ слезы.

Изъ Галиціи шли старики и дѣти, пожилые мужчины и женщины, парни и дѣвушки, нѣкоторыя матери несли на рукахъ грудныхъ младенцевъ. Число галичанъ простиралось до 600 человекъ. Всѣ они объединились въ могучемъ стремленіи къ Православію. На лицахъ ихъ выражались восторженная радость и умиленіе. Имъ какъ бы не вѣрилось, что они среди родныхъ братьевъ.

Соединенный крестный ходъ двинулся въ Успенскій соборъ. По окончаніи молебна Пресвят. Богородицѣ и преп. Іову, намѣстникъ Лавры—архимандритъ Паисій обратился къ галичанамъ съ прочувственнымъ словомъ.

Въ 6 часовъ вечера началось торжественное всенощное бдѣніе. На литію и полиелей выходилъ преосвященный Діонисій, епископъ Кременецкій, съ сонмомъ Лаврскаго духовенства. Послѣ всенощнаго бдѣнія галичанамъ, по распоряженію о. намѣстника, былъ предоставленъ ужинъ и ночлегъ.

На другой день, 28 августа, предъ литургіей преосвящен-

ный Діонисій совершилъ чинъ присоединенія галичанъ къ Православію. Всѣмъ были розданы крестики. За литургіей галичане приобщались Святыхъ Таинъ. Послѣ литургіи владыка Діонисій обратился къ галичанамъ съ привѣтственнымъ словомъ, по случаю вступленія ихъ въ лоно Православной Церкви. Въ 5 часовъ дня галичане отправились съ крестнымъ ходомъ домой.

Во время пребыванія своего въ Почаевѣ галичане были предметомъ общаго вниманія. Богомольцы радостно встрѣчали ихъ и спрашивали ихъ о войнѣ, объ ихъ житьѣ бытѣ. Галичане охотно дѣлились своими впечатлѣніями и певеживаніями. Такъ, они передавали, что съ объявленіемъ войны, всюду были произведены среди нихъ многочисленныя аресты за „москвофильство“. Арестованные подвергались всякимъ непріятностямъ со стороны части населенія, настроеннаго къ нимъ враждебно (поляки и евреи). У священника Борецкаго оказались арестованными отецъ, мать и сестра. Они размѣщены были во Львовѣ въ разныхъ тюрьмахъ. Когда русскіе войска заняли Львовъ, то въ тюрьму явились графъ Бобринскій и губернаторъ Мельниковъ и открыли двери тюрьмы. Произошла потрясающая сцена. Заключение плакали отъ радости. Выпущенные на свободу галичане были надѣлены денежными средствами для прокормленія и возвращенія въ свои родныя мѣста.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Галицію доставило галичанамъ великую радость, между прочимъ потому, что оно предупредило предполагавшійся рекрутскій наборъ. Русскіе вошли за два дня до этого набора.

27 и 28 августа вездѣ видны были группы галичанъ, окруженныя нашими крестьянами. Вотъ среди ряда нищихъ, выстраивающихся по направленію отъ часовни къ оградѣ Лавры, играетъ „лирникъ“ галичанинъ. Тѣснымъ кольцомъ окружили его крестьяне. Онъ играетъ и напѣваетъ горькую повѣсть-быль изъ дѣйствительной жизни—о томъ, какъ неблагодарныя дѣти поступаютъ со своими родителями. Въ заключеніе ея совѣтъ родителямъ воспитывать дѣтей въ страхъ. Толпа жадно ловитъ каждое слово „лирника“.

По слов. „Ж. В.“ галичане производятъ пріятное впечатлѣніе при встрѣчѣ и разговорахъ съ ними. Они привѣтливы,

радушны. Въ то же время на ихъ лицахъ лежитъ печать правдивости и гнета.

Церковное импровизаторство.

Въ дѣлѣ церковной проповѣди имѣетъ немаловажное значеніе внѣшняя форма ея. Вошедшая въ обычай привычка проповѣдывать по книгѣ и тетрадкѣ вызвала во всѣхъ отношеніяхъ непохвальную привычку богомольцевъ удаляться изъ храма, какъ только проповѣдникъ показывается съ орудіемъ своей проповѣди. Когда книга была принадлежностію исключительно почти одного только духовенства, тогда предъ нею міряне благоговѣли не только въ храмѣ, но и въ житейскомъ обиходѣ. Отчего же было и не послушать, что говорится въ книгѣ о спасеніи души. И слушали книжную проповѣдь простые сердцемъ богомольцы и назидались ею. Теперь не то: городъ почти весь грамотный, да и деревня начинаетъ догонять его въ грамотности. Приобрѣтеніе книги настолько удешевилось и упростилось, что только лѣнивый и нерадивый грамотей ею не обзаведется. И вотъ, при свойственномъ недоучкѣ-грамотею самообольщеніи относительно книжной образованности, нынѣшняя грамотная толпа изъ богомольцевъ, особенно изъ молодежи, валомъ валитъ изъ храма при началѣ книжной проповѣди. „По книгѣ-то мы и сами дома читаемъ, говорятъ они, мы думали, что проповѣдникъ свое что-нибудь скажетъ“. Правда, отговорка тутъ неосновательная и всецѣло проникнута фальшью и недомысліемъ: дома эти люди, за неимѣніемъ чаще всего подходящихъ книгъ, все равно не прочтутъ въ назиданіе себѣ духовной книги, да и проповѣдникъ чего-либо *своего* все равно и безъ книги не скажетъ. Но главное—важенъ тутъ поводъ къ отговоркѣ. Мы уже не говоримъ о неумѣломъ чтеніи нѣкоторыхъ проповѣдниковъ, которые то никакъ глазъ не могутъ оторвать отъ тетради и книги, нагоняя одну скуку своимъ монотоннымъ чтеніемъ, то путаются и сбиваются въ чтеніи, производя тѣмъ непріятное впечатлѣніе на слушателей. Дѣйствительно, на слушаніе такихъ проповѣдей нужно терпѣніе, и не малой по-

хвалы заслуживаютъ богомольцы, которые имъ вооружаются. Значить, проповѣдникамъ, въ силу необходимости, приходится взяться за импровизацію. Церковная импровизація, какъ и всякая публичная рѣчь—дѣло весьма не легкое. Намъ приходилось встрѣчать нѣкоторыхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые въ публичномъ собраніи не могли обойтись безъ клочка бумаги при произнесеніи кратчайшей рѣчи-тоста въ 8—10 строкъ. Публичное выступленіе вообще не всякому подъ силу и это объясняется, конечно, не отсутствіемъ научной подготовки или скудости ораторскаго дара,—а особымъ психологическимъ фактомъ въ связи съ извѣстнаго рода робостію, стѣснительностію и боязнію смѣшаться. Доля смѣлости и самообладанія импровизатору всецѣло необходима. Но еще больше необходимъ навыкъ. Первоначальное выступленіе проповѣдника-импровизатора естественно будетъ сопровождаться большимъ душевнымъ волненіемъ и боязнію, но частое повтореніе выступленій притупитъ, такъ сказать, боязнь и приучитъ къ относительному хладнокровію, а это тогда послѣдуетъ, когда удачно будутъ сходиться импровизаціи. Но удачными ихъ сдѣлать никакъ нельзя безъ труда и навыка. Есть, конечно, даровитѣйшіе проповѣдники, люди глубокаго ума, быстрой сообразительности и удивительной находчивости,—это своего рода Златоусты, у которыхъ импровизація является дѣломъ обычнымъ, нетруднымъ и не требующимъ особой подготовки. Такіе люди всегда могутъ говорить экспромтомъ и найдутся поправить свою рѣчь и овладѣть вниманіемъ слушателей даже и тогда, если бы имъ пришлось допустить замѣшательство во время импровизаціи. Но такіе проповѣдники являются исключеніемъ. Даже великій по своимъ духовнымъ дарованіямъ митрополитъ Московскій Филаретъ не рѣшался, какъ извѣстно, импровизировать свою проповѣдь. Впрочемъ, у этого великаго мужа нужно признать необычную робость и ужъ, само собою, не отсутствіе ораторскаго дара, а опасенія, какъ бы изъ недоговореннаго имъ слова не потерять и не затемнить смысла рѣчи. Въдъ рѣчь митрополита Филарета обладаетъ такою точностію выраженія и ясностію мысли, что ее легче можно заучить, чѣмъ рассказать не

рискуя впасть въ погрѣшность. Но мы имѣемъ въ виду обыкновенныхъ заурядныхъ пастырей средней подготовки и такихъ же дарованій, которые не должны и приступать къ импровизаціи безъ подготовки. Если для театральныхъ представленій требуется репетиція, то для проповѣди церковной подготовка тѣмъ болѣе нужна. Говоря о подготовкѣ, мы имѣемъ въ виду не одинъ только выборъ темы съ установленіемъ плана проповѣди,—это само собою должно считаться краеугольнымъ камнемъ всякаго публичнаго выступленія, но подготавливаться къ импровизаціи слѣдуетъ самымъ произнесеніемъ рѣчи. Есть очень много людей, умно думающихъ, но плохо говорящихъ или не такъ переделающихъ свою рѣчь, какъ она сложилась въ головѣ; есть дѣльные писатели, считающіеся плохими ораторами. Ораторство своего рода искусство, которое преимущественно пріобрѣтается навыкомъ. И плохой въ началѣ ораторъ можетъ достигнуть современемъ относительнаго совершенства (Демосѣенъ), если будетъ усердно и неослабно упражняться въ устной рѣчи вообще и къ частности въ церковной импровизаціи: Для этой цѣли самымъ подходящимъ средствомъ является школа, гдѣ пастырь законоучительствуетъ. Здѣсь очень невзыскательная аудиторія и священникъ чувствуетъ себя менѣ стѣсненнымъ, здѣсь безопасное поле для устной бесѣды, потому что всякая допущенная ошибка не такъ бываетъ замѣтна юной публикѣ, удобно здѣсь поправить ошибки, здѣсь священникъ можетъ пріучить себя къ связной и послѣдовательной рѣчи, удобнѣй можетъ замѣчать свои ошибки, слѣдить за впечатлѣніемъ своей рѣчи на слушателей... Два—три года школьной практики принесутъ большую пользу не только школѣ, но и самому пастырю въ дѣлѣ усовершенствованія церковной импровизаціи. Въдь по крайней мѣрѣ деревенская проповѣдь въ церкви тотъ же священноисторическій разсказъ въ школѣ съ нравственными приложеніями. Мѣняется только мѣсто и возрастъ слушателей, а содержаніе, за рѣдкими исключеніями, остается одно и то же. Намъ приходилось слышать отъ ревностно ведущихъ законоучительское дѣло пастырей, что школа является хорошею подготовкою для церковнаго проповѣдничества.

Церковныя проповѣди обычно произносятся въ концѣ литургіи. Въ домашней бесѣдѣ бывшаго Орловскаго епископа Серафима съ депутатами духовенства одинъ изъ священниковъ, въ цѣляхъ лучшаго воздѣйствія церковной проповѣди, предложилъ произносить такую непосредственно за чтеніемъ литургійскаго евангелія, когда и евангелійскій рассказъ остается у слушателей въ полнотѣ и свѣжести, когда вниманіе богомольцевъ не такъ ослаблено долгимъ стояніемъ, наличность ихъ меньше всего можетъ быть нарушена выходомъ изъ храма. Но преосвященному не угодно было принять это предложеніе. Нѣтъ, сказалъ онъ, это совсѣмъ не то будетъ: не такъ будетъ сказана проповѣдь, какъ послѣ причащенія священника св. Таинъ, и не такое она произведетъ дѣйствіе на богомольцевъ. И это истинная правда, какъ подтверждаетъ опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, церковная проповѣдь, вѣдь не свѣтская рѣчь народнаго трибуна, а слово Божіе, хотя и передаваемое грѣшными устами пастыря. И когда же это слово можетъ быть такъ прочувствовано, согрѣто и облагодатствовано, какъ не послѣ тѣснѣйшаго соединенія пастыря со Христомъ посредствомъ причащенія св. Тѣла и Крови Его, когда же больше благоговѣйнаго вниманія и сосредоточенности, а также большей бодрости и дерзновенія къ произнесенію проповѣди, какъ не послѣ именно причащенія? Горяче и одушевленно сказанная въ это время проповѣдь несомнѣнно и дѣйствіе доброе произведетъ. Говоря о благоговѣйной настроенности пастыря во время литургіи и особенно въ послѣдней ея части, невольно является вопросъ, не помѣшаетъ ли этой настроенности предполагаемая импровизація?—Какъ ни какъ, а воспроизвести ее въ умѣ, хотя въ краткихъ чертахъ, нужно, чтобы не сбиться и не потерять-ся во время произношенія. Но здѣсь то священникъ и долженъ меньше всего полагаться на свое знаніе и силы, а обязанъ на помощь призывать силу Божію. Господи, не остави меня, вразуми меня, немощнаго! Больше этой подготовки въ проповѣди въ данное время и не слѣдовало бы допускать. А на краткое воспроизведеніе въ умѣ импровизаціи достаточно, думаемъ, времени во время пѣнія причастнаго стиха. Да и импровизація не должна являться

какимъ то заученнымъ урокомъ: она должна быть вразумительнымъ рассказомъ на извѣстную тему, удачныя данныя котораго проповѣдникъ, при помощи Божіей, можетъ подбирать при произнесеніи даже проповѣди; могутъ быть, конечно, и опущенія обдуманнаго заранѣе, но этимъ не слѣдуетъ смущаться; быть можетъ упущенное не намѣрено являлось бы ненужнымъ балластомъ. Главный же успѣхъ импровизаціи—въ помощи Божіей. Самонадѣянность пастыря въ дѣлѣ проповѣди не только дѣлаетъ ее безуспѣшною, но и положительно вредною для проповѣдническаго его дара. Намъ передавалъ одинъ довольно уже пожилой іерей, какъ онъ предъ началомъ денежнаго сбора на нужды миссіи самонадѣянно подумалъ, что сказать по данному случаю нѣсколько пригласительныхъ словъ для него составляетъ сущую бездѣлицу. „Ну и подлинно, говорилъ онъ послѣ, что вышла настоящая бездѣлица. Куда пропала смѣлость съ воодушевленіемъ и даромъ слова, никакой самой простой связи рѣчи, все пропало, хотъ расплакивайся и уходи со стыдомъ... Еле-еле, съ горемъ пополамъ, пришлось скомкать и смять самую краткую рѣчь на простую тему о хорошо извѣстномъ предметѣ, о чемъ прежде приходилось говорить десятки разъ. Нѣтъ, отъ самонадѣянности избави Богъ. Другое дѣло самообладаніе и увѣренность въ своей проповѣднической миссіи, такъ они весьма важны и необходимы проповѣднику: эти качества помогаютъ ему произносить проповѣдь съ большимъ дерзновеніемъ и чувствовать себя отцемъ среди дѣтей и пастыремъ среди паствы, какая бы она ни была по своему умственному превосходству.—Во время импровизаціи проповѣднику удобнѣе слѣдить за состояніемъ вниманія слушателей, или что то же, за дѣйствительною своей проповѣди. Если читаться будетъ заученная чужая проповѣдь, то и проповѣдникъ едва-ли способенъ будетъ подогрѣть и возбудить вниманіе у слушателей; но если импровизація будетъ произноситься съ духовнымъ подъемомъ оратора, не по заказу—отбыть только повинность, а съ искреннимъ желаніемъ принести пользу—то польза эта окажется несомнѣнною. Намъ неоднократно приходилось слышать импровизаторовъ—архипастырей и пастырей. И вотъ, какъ одни

изъ нихъ способными оказывались своимъ ораторскимъ искусствомъ произвести на душу неотразимое впечатлѣніе, способны были удерживать на ногахъ богомольцевъ цѣлыя часы, не давая чувствовать утомленія; импровизація же другихъ производила снотворное дѣйствіе, монотонною и безжизненною (хотя иногда и плавною) рѣчью она нагоняла скуку на богомольцевъ и на самыхъ даже усердныхъ изъ нихъ налагала подвигъ терпѣнія. Такіе импровизаціи рѣшительно бесполезны: онѣ если и могутъ что дать уму, но отъ сердца отнимутъ еще больше. Содержаніемъ импровизаціи можетъ служить или готовая проповѣдь въ перифразѣ съ нужными, судя по обстоятельствамъ, сокращеніями и дополненіями, или начерно набросанная своя проповѣдь. Для подбора темъ не бесполезнымъ можетъ считаться „церковный импровизаторъ“ Григорія Дьяченко. При невыдержанности православныхъ сыновъ Церкви проповѣднику приходится иногда во время произнесенія импровизаціи замѣчать неблагоговѣйное поведеніе богомольцевъ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ храмахъ нѣтъ нарочито приставленныхъ лицъ (кромѣ церк. старостъ, всегда занятыхъ счетомъ денегъ и продажею свѣчъ) для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ. Поэтому самъ проповѣдникъ, въ силу необходимости и сообразуясь съ наличностію публики, долженъ бываетъ обратить вниманіе на допущенные беспорядки и тѣмъ нѣсколько прервать теченіе устной проповѣди. Находчивость проповѣдника въ данномъ случаѣ можетъ даже найти новую тему для продолженія бесѣды, хотя и съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ прежней. Свой взглядъ на церковную импровизацію мы выразили на основаніи не своего ничтожнаго опыта, а примѣровъ и опытовъ другихъ, заслуживающихъ уваженія и вниманія пастырей.

Герей.

„Съ русскою душой“.

(Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова
2 октября 1814—1914) *).

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой“.

М. Ю. Лермонтовъ.

Неслучайно то обстоятельство, что на дни нынѣшней Отечественной войны пришлось празднованіе памяти великаго пѣвца Бородинскаго боя. Сто лѣтъ тому назадъ, когда появился на свѣтъ Лермонтовъ, Россія все еще полна была настроеніями тогдашней войны, въ воздухѣ еще пахло порохомъ, и повсюду еще видѣлись слѣды пронесшагося урагана. Подъ такими настроеніями и признаками времени рождался и выросталъ будущій пѣвецъ тогдашняго памятнаго года, поэтъ борьбы и мятежныхъ исканій, которому всю его недолгую жизнь суждено было вести войну съ самимъ собою и другими, и который безвременно палъ въ этой войнѣ, унеся съ собою въ могилу, выражаясь его же собственными словами, „летучій рой еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній, обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній“¹⁾.

Сто лѣтъ спустя, переживая новую Отечественную войну, мы съ особеннымъ, теплымъ вниманіемъ прислушиваемся къ давно отзвучавшему голосу этого человѣка, всматриваемся въ черты этого поэта—странника, безпокойно скитавшагося „съ милаго сѣвера въ сторону южную“, и читаемъ въ тѣхъ чертахъ необычайно близкую намъ русскую душу.

Разумѣется, только русскій человѣкъ могъ написать съ дѣтскихъ лѣтъ намъ памятное „Бородино“ и написать такими неизгладимыми, волнующими красками, что дѣйствительно „скорѣй обманетъ гласъ пророчій, скорѣй не-

*) Министерство народнаго просвѣщенія, въ виду происходящихъ чрезвычайныхъ военныхъ событій, призвало соответственнымъ въ день столѣтней годовщины со дня рожденія М. Ю. Лермонтова (2-го октября 1914 г.) ограничиться совершеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ панихиды по поэту, отложивъ празднованіе юбилея до болѣе благоприятнаго времени.

¹⁾ Памяти А. И. Одоевского.

бесъ потухнуть очи, чѣмъ въ памяти сыновъ полночи изгладится оно“ ²⁾).

Поэтъ, въ свое время давшій грозную отповѣдь всѣмъ, кому „обидна величья нашего заря“, и „солнца Божьяго не видно за солнцемъ русскаго царя“, и твердо заявлявшій, что „честь Россіи невредима“, что „нераздѣльны въ дѣлѣ славы народъ и царь его всегда“ ³⁾, самъ говоритъ за себя единственнымъ въ своемъ родѣ стихотвореніемъ объ отчизнѣ, о непобѣдимой разсудкомъ любви къ ней, какъ къ родной матери, дорогой и милой со всѣми своими недостатками.

Въ дни новаго великаго стоянія за отчизну, когда не въ фантазіи поэта, а въ живой дѣйствительности „отъ Урала до Дуная, до большой рѣки, колыхаясь и сверкая, движутся полки“ ⁴⁾, насъ особенно трогаетъ поэтическое выраженіе переполняющихъ душу чувствъ ко всему родному и высокой вѣры въ непобѣдимость нашего народа, Лермонтовскаго стараго русскаго великана, который вышелъ помѣриться силой съ заносчивымъ соперникомъ „изъ далекихъ чуждыхъ странъ“. „Посмотрѣлъ, потрянулъ главою: ахнулъ дерзкій и упалъ“ ⁵⁾.

Охваченные пламенемъ этой вѣры, поднятые и движимые стремительной волною героическаго національнаго движенія, мы съ любовью перечитываемъ тѣ строки, въ которыхъ пѣвецъ богатырей 12-го года воспѣлъ „могуще лихое племя“ тогдашнихъ защитниковъ родного края. Съ восторгомъ и благодарностью читаемъ мы признанія поэта, какъ „сильно, пламенно и нѣжно“ любилъ онъ Москву, „священный блескъ“ ея сѣдинъ, ея „кремль зубчатый, безмятежный“, этого столѣтняго русскаго великана, наслѣдника „нашей славы“. „И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священный... Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ и проводилъ, пылая, свѣточъ грозный“ ⁶⁾.

Посвященныя родинѣ, вдохновенныя строки Лермон-

²⁾ Поле Бородина.

³⁾ „Опять народные витіи“.

⁴⁾ Споръ.

⁵⁾ Два великана.

⁶⁾ Поэма „Сашка“.

това въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаютъ пророческій от-
тѣнокъ, обнаруживая истинную самобытность таланта поэта,
независимость мысли, глубину національнаго самосознанія
и высокую степень русскаго самочувствія. Глубоко-знаме-
нательны для переживаемаго нами историческаго момента
тѣ мѣста изъ поэмы Лермонтова „Сашка“, гдѣ мимоходомъ
рисуются типъ людей, въ тридцать лѣтъ покидающихъ край
родной „съ больною грудью и больной душой“ или предаю-
щихся рабской должности „искать чиновъ, мирясь съ люд-
скимъ презрѣньемъ, и поклоняться нѣмцамъ до конца“. Чувство русскаго достоинства и дальнозоркость поэтической
мысли побудили тогда поэта поставить чрезвычайно важный
и насущный вопросъ русской жизни, только теперь полу-
чающей свое безповоротное рѣшеніе: и чѣмъ же нѣмецъ
лучше славянина“?

Только теперь мы постигаемъ всю глубину русской
души поэта и пророческую высоту его созерцаній, читая
данную въ той же поэмѣ Лермонтова характеристику нѣм-
цевъ, этого народа, который „за сильныхъ всюду, всѣмъ за
деньги служить, слабѣйшихъ давить, бьютъ его—не ту-
жить“. Глубокое пониманіе русскаго челоуѣка, славянскон
души показалъ тогда Лермонтовъ, противопоставивъ ее
самодовольной и хвастливой душѣ нѣмца: „вотъ племя:
всякій чортъ у нихъ Баронъ! Профессоръ важный—каждый
ихъ сапожникъ! И смѣло вкривъ и вкось глаголетъ онъ.
Какъ Пиѳія, возсѣвъ на свой треножникъ, кричитъ шу-
мить... Но что жь? Онъ не рожденъ подъ нашимъ небомъ;
наша степь святая въ его глазахъ бездушныхъ—степь
простая, безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ, гдѣ
бы могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ, которые съ
ихъ грозными дѣлами унесены забвенія волнами“¹⁾.

Намъ понятнo послѣ этого торжественное заявленіе
поэта, въ процессѣ своего творческаго самоопредѣленія, ко-
нечно, переживавшаго многія чуждыя вліянія—что онъ не
Баронъ, что у него есть свой русскій обликъ, своя русская
душа. Эту душу поэтъ, несомнѣнно, почувствовалъ въ самомъ
началѣ своего творчества, но къ ясному сознанію, къ про-
повѣди русскихъ началъ пришелъ подъ конецъ, оставивъ

¹⁾ „Сашка“.

намъ въ „Героѣ нашего времени“ прекрасный и, можно сказать, единственно положительный въ этомъ романѣ образъ, трогательный образъ добродушнаго и мягкосердечнаго Максима Максимовича, широкаго, терпимаго и благороднаго душой русскаго человѣка, этого предвѣстника толстовскихъ „смирныхъ героев“.

Тутъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще у Лермонтова, сказалась его непобѣдимая разсудкомъ любовь и привязанность къ святой русской степи, умиленное преклоненіе передъ красотой русской души, глубокая связь съ нашей почвой. Эта связь только что начиналась, ей предстояло дальнѣйшее развитіе, но жизнь поэта прекратилась въ тѣ дни, и замолчала навѣкъ его „недоцвѣтшій гевій“. Тѣмъ болѣе любопытна оставшаяся намъ въ наслѣдіе лирическая исторія загадочной души поэта „съ русскою душой“. Тѣмъ болѣе чутко прислушиваешься къ разнорѣчивымъ звукамъ лермонтовской лирики, къ тихимъ и бурнымъ отголоскамъ его типично-русскихъ исканій, метаній отъ вѣры къ невѣрью, отъ умиленія къ ожесточенію, отъ неба къ землѣ и отъ земли къ небу.

Глубоко-несчастный и безнадежно-одинокій среди своихъ современниковъ, Лермонтовъ какъ-то особенно-задушевно и неуловимо тонко приблизился къ нашему времени съ своею трагической тоской и неисцѣлимой болью, съ вѣчнымъ трепетомъ совѣсти, съ вѣчными поисками и углубленіемъ въ область загадокъ и проклятыхъ вопросовъ. Все мелочное, злободневное, отъ чего много страдалъ поэтъ, отошло, сгладилось, замолкли клеветническіе выкрики и враждебныя угрозы, но голосъ Лермонтова, вопрошавшій о Богѣ и вѣчности, слышится и сто лѣтъ спустя; трудъ, начатый имъ, продолжается, и брошенная вѣкамъ плодovitая мысль по прежнему волнуетъ человѣческую душу.

Два года тому назадъ, по поводу столѣтней годовщины Гончарова, въ одной изъ газетъ была подчеркнута основная черта творчества этого писателя, который былъ названъ писателемъ не русскимъ, полной противоположностью русскому писателю, тревожимому „конечными вопросами Космоса и Логоса“, чуткому „къ голосу совѣсти и внутренняго религіознаго рѣшенія“, представляющему собою „водопадъ,

гдѣ все—буря, все—движеніе, все—борьба“. (Утро Россіи 1912, 129). Справедливо это или нѣтъ относительно Гончарова—другой вопросъ, но данное утвержденіе неоспоримо относительно характера всей русской литературы, вообще, и въ частности оно замѣчательно правдиво въ отношеніи къ Лермонтову. О русской литературѣ и русскомъ писателѣ на западѣ уже составилось такого рода мнѣніе, что вся она и всѣ лучшіе наши писатели чрезвычайно чутки къ религіознымъ и нравственнымъ проблемамъ, постоянно охвачены духовными исканіями, подвержены болѣзнию совѣсти, мукамъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Провѣряя это мнѣніе на живыхъ образцахъ нашего художественнаго творчества, мы прежде всего встрѣчаемъ Лермонтова, какъ лучшаго выразителя тончайшихъ духовныхъ движеній въ нашей литературѣ. Вотъ кто, по справедливости, воплощенный водопадъ, буря, борьба, вѣчно—горящій огонь, вѣчно—бьющій фонтанъ. Вотъ гдѣ во всей силѣ выступаетъ передъ нами жажда русскаго писателя къ рѣшенію конечныхъ вопросовъ космоса и логоса, чуткость къ голосу совѣсти, непрестанное томленіе ищущаго духа.

Развѣ не типично для русскаго писателя то обстоятельство, что одинъ изъ нашихъ писателей Лермонтовъ, великосвѣтскій левъ, покоритель женскихъ сердецъ, имѣвшій за собою цѣлый рядъ любовныхъ и всякихъ иныхъ приключеній, неравнодушный къ славѣ еры и забіяки, со страстью предававшійся „гусарщинѣ“⁸⁾,—мучительно и подолгу думалъ о смерти, объ ожидающей человѣка участи за гробомъ, о безсмертіи и небытіи, о жуткихъ загадкахъ и противорѣчіяхъ жизни.

Тутъ сказалась „русская душа“ поэта, такъ какъ для настоящаго русскаго человѣка, по словамъ Достоевскаго, вопросы о Богѣ и вѣчности стоятъ на первомъ мѣстѣ. Тутъ передъ нами открывается знакомый тернистый путь русскаго писателя, путь пытливыхъ исканій и вопрошаній, устремленія въ водоворотъ жизни и къ звѣздамъ вѣчности, тревоги совѣсти и нравственнаго чувства правды, не удовлетвореннаго дѣйствительностью.

Насъ поражаетъ та страдальческая серьезность и неот-

⁸⁾ См. въ біографич. оч. Ив. Иванова.

ступная сосредоточенность, съ какою Лермонтовъ несъ тяжелую ноту самопознанія, искалъ и вопрошалъ. Онъ самъ разсказалъ намъ про „тягостныя ночи“ своего вдохновеннаго творчества, когда „безъ сна горять и плачуть очи, на сердцѣ—жадная тоска“, „болѣзненный, безумный крикъ изъ груди рвется“, когда „диктуеть совѣсть, перомъ сердитый водить умъ“⁹⁾

Лирика Лермонтова вся соткана изъ слезъ, стоновъ и горькихъ разочарованій, вся полна бурными порывами мятущагося духа, и нѣтъ преувеличенія въ тѣхъ словахъ поэта, гдѣ онъ признается, что веселость—чужой звукъ въ его словарь. Какъ сильно терзало его „сей жизни мрачное начало“, какъ тяжела была ноша бытія и убійственна горечь одиночества, краснорѣчиво говоритъ одна строка изъ поэмы „Измаилъ Бей“, гдѣ упоминается о минутахъ адскихъ мученій, равныхъ вѣкамъ печали: „все въ мірѣ есть, забвенья только нѣтъ“.

Любопытно знать, что порождало эти безысходныя мученія, отъ которыхъ поэтъ мучительно желалъ „забыться и заснуть“, гдѣ источникъ этой неисцѣлимой тоски и неунимающей боли всего существа. Нельзя, конечно, удовлетвориться одними указаніями на семейныя обстоятельства жизни поэта, рано лишившагося матери, на его неуживчивый характеръ, на общественную атмосферу времени. Мы должны забирать глубже, чтобы коснуться корня Лермонтовской тоски и лихорадочныхъ поисковъ въ жизни. Книга поэта—исповѣдь его души, и въ ней мы ясно читаемъ, что онъ переживалъ, чѣмъ мучился и отъ чего изнемогалъ.

Характерно въ этомъ отношеніи заявленіе Лермонтова въ одномъ изъ его раннихъ стихотвореній: „но нерѣдко средь веселья духъ мой страждетъ и груститъ; въ шумѣ буйнаго похмелья дума на сердцѣ лежитъ“¹⁰⁾.

Что же тяготило поэта? Уже въ самомъ началѣ творчества онъ еще неувѣренной рукою писалъ про пасмурную жизнь, про ея недолгое теченіе, про горькую чашу остылой жизни¹¹⁾.

⁹⁾ „Журналистъ, читатель и писатель“.

¹⁰⁾ „Къ друзьямъ“.

¹¹⁾ „Монологъ“.

Тогда же въ лирикѣ его слышались глубоко-религіозныя ноты покаяннаго самообличенія человѣка, ставшаго внимательнѣе заглядывать въ свою душу. Онъ просто и трогательно, по-юношески обращался съ раскаяньемъ къ Творцу, прося Его не обвинять и не карать молодого поэта, любящаго „мракъ земли могильный съ ея страстями“, охваченнаго страшной жаждой пѣснопѣнья, лавой вдохновенья, kloкочущей въ груди. Непритворная тревога слышалась въ моленіи поэта не карать его „за то, что рѣдко въ душу входитъ живыхъ рѣчей Твоихъ струя, за то, что въ заблужденіи бродитъ мой умъ далеко отъ Тебя“¹²⁾

Здѣсь уже завязывается тотъ трагическій узелъ, въ который впослѣдствіи обратилась вся жизнь Лермонтова, и со всей ясностью представляется намъ мучившая его душу раздвоенность, взаимно-исключающія другъ друга тяготѣнія и невозможность удовлетвориться этимъ земнымъ счастьемъ, позабывъ объ иномъ счастьѣ, объ иныхъ задачахъ и цѣляхъ, представлявшихся уму.

Надо только представить себѣ состояніе человѣка, который въ умѣ своемъ „создалъ міръ иной и образовъ иныхъ существованье“, но „не далъ имъ названья“¹³⁾, который тяготѣлъ къ землѣ съ ея страстями и бурями и въ то же время тосковалъ, стоя у кавказской скалы съ чернѣющимъ на ней крестомъ: „о, если бѣ взойти удалось мнѣ туда, какъ я бы молился и плакалъ тогда... И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія, и съ бурей братомъ назвался бы я“¹⁴⁾.

Что же мѣшало наслаждаться жизнью, упиваться ея благами, что омрачало поэта среди пира? Шестнадцатилѣтній юноша послѣ долгихъ размышленій и самосозерцаній въ своемъ угрюмомъ уединеніи пришелъ къ убѣжденію, что умъ его „не по пустякамъ къ чему-то тайному стремился; къ тому, чего даны въ залогъ съ толпою звѣздъ ночныя своды; къ тому, что обѣщаль намъ Богъ, и чтобъ уразумѣть я могъ черезъ мышленія и годы“¹⁵⁾.

Чуткій поэтъ и глубоко-пытливый умъ, Лермонтовъ,

¹²⁾ „Молитва“.

¹³⁾ „Русская мелодія“.

¹⁴⁾ „Крестъ на скалѣ“.

¹⁵⁾ „Любилъ съ начала жизни я“...

безъ сомнѣнія далекъ былъ отъ того упрощенія и пошлаго сѣуженія жизни, къ которому склонны безшабашные кутилы и прожигатели жизни. Жизнь, оказалось, не такъ-то проста, и сложные вопросы ея поразили своею запутанностью и подавляющей тяжестью. Тутъ прежде всего, какъ неотразимый и убійственный фактъ, встала смерть, жуткій вопросъ о томъ, что будетъ тамъ, неотвязчивая тѣнь, преслѣдовавшая поэта всѣ дни и ночи его недолгой жизни. Вопросъ о смерти неизбѣжно велъ къ самопознанью, и попытки самопознанія неизмѣнно смѣнялись попытками уяснить смыслъ смерти, разрушенія человѣческаго, молчаніе загробнаго міра. Получался замкнутый кругъ, въ которомъ бессильно билась мысль,—та особенная атмосфера Лермонтовской тоски и страданія, отъ которыхъ онъ не могъ никогда освободиться.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ стихотвореній Лермонтова, написанныхъ именно на тему о смерти, о землѣ и небѣ, о настоящемъ и будущемъ, о ничтожествѣ человѣка передъ пучиною вѣчности. Вся жизнь остановилась, всѣ цвѣты ея увяли, всѣ краски поблекли, всѣ земныя цѣнности пали въ глазахъ Лермонтова, какъ только онъ подумалъ объ ужасномъ концѣ человѣка.

Въ двухъ раннихъ стихотвореніяхъ „Ночь I“ и „Ночь II“ шестнадцатилѣтній поэтъ съ ужасомъ рисовалъ своему воображенію похоронные образы, картины распаденія человѣческаго тѣла и терялся въ томительныхъ догадкахъ объ участи души. Печальное разставаніе души и тѣла, этотъ страшный промежутокъ между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ давалъ пищу одному только „последнему сомнѣнію“. Слабая человѣческая мысль изнемогала отъ невозможности понять, „какъ можно чувствовать блаженство или горькія страданія далеко отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понималъ, что я живу, что жизнь моя безбрежна, гдѣ жадно я искалъ самопознанія, гдѣ столько я любилъ и потерялъ,—любилъ согласно съ этимъ браннымъ тѣломъ“. Употребляя послѣднія усилія, воображеніе поэта старалось представить себѣ моментъ освобожденія человѣка отъ всего земного, отъ боли и роковыхъ вопросовъ и радостнаго полета изъ краткаго земного изгнанья.

Поэтъ близокъ былъ къ вѣрѣ въ безсмертіе, но „последнее сомнѣнье“ и здѣсь одерживало верхъ, мрачныя подробности могильнаго разложенія вытѣсняли образы иного міра, и поэту казалось, что онъ самъ себя обманывалъ, создавая воображеніемъ этотъ міръ. Ужасъ смерти пугалъ воображеніе и приковывалъ его къ одному, бьющему въ глаза зрѣлищу, зрѣлищу могильнаго разложенія, распадающагося трупа съ насѣкомыми и червями, выползающими изъ безобразнаго черепа. „Тогда изрекъ я дикія проклятія на моего отца и мать—на всѣхъ людей. Съ отчаяньемъ безсмертія долго, долго жестокаго свидѣтель разрушенія, я на Творца ропталъ, страхась молиться, и я хотѣлъ изречь хулы на небо... Но замеръ голосъ мой, и—я проснулся“¹⁶⁾.

Утѣшеніемъ здѣсь служило, по крайней мѣрѣ, то, что все это рисовалось поэту во снѣ но изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что эти мрачныя сновидѣнія не разъ посѣщали Лермонтова. Всесильнымъ гигантомъ вставала передъ нимъ смерть, этотъ „скелетъ неизмѣримый“, заслоняющій собою и уничтожающій цѣлыя міры, и всѣ голоса жизни заглушались однимъ неумолимымъ голосомъ, говорившимъ о безбрежномъ владычествѣ смерти, о неизбежности уничтоженія и гибели въ вѣчности. „Отчаянье безсмертія“ и вызванный имъ ропотъ на Творца, — вотъ въ чемъ сущность этого первичнаго пессимизма Лермонтова, но отсюда пессимизмъ простирается на всю жизнь и на всю землю, „гнѣздо разврата, безумства и печали“, — землю, которая все беретъ „у насъ обманомъ и не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденія“, — на всякаго человѣка, „земного червя“. Отсюда — отвращеніе отъ людей, отсюда проклятія „тщетной бѣдной жизни, гдѣ нѣтъ надеждъ—и всюду опасенія“, отсюда желаніе „забыться и заснуть“¹⁷⁾.

Но удивительно, какъ тѣсно переплетается здѣсь пессимизмъ Лермонтова съ его идеализмомъ, какъ въ этой судорогѣ отчаянья проглядываетъ мученическая жажда вѣры, какъ въ этомъ презрѣніи къ земному, къ людямъ свѣтится

¹⁶⁾ „Ночь I-я“.

¹⁷⁾ „Ночь II-я“.

любовь поэта къ высокому, небесному, мысль о безсмертномъ назначеніи человѣка.

Надо только понять, до какой степени всегда владѣла Лермонтовымъ мысль о смерти, и какъ равнодушенъ былъ онъ къ вопросу о безсмертіи, чтобы убѣдиться въ этомъ глубоко-религіозномъ идеализмѣ русскаго писателя, не отступавшаго ни передъ какими крайностями въ честномъ исканіи смысла жизни. „Вѣчное боренье думъ“, вѣчно-безпокойный вопросъ о томъ, — „ужель единый гробъ для всѣхъ уничтоженіемъ грозитъ“¹⁸⁾, никогда не ослабѣвающая память о возвращеніи туда, „гдѣ будущаго нѣтъ, ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ, гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей, ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей, гдѣ воспоминанье спитъ глубокимъ сномъ“¹⁹⁾, поражающая воображеніе мысль о вѣчности, о томъ, „гдѣ душа моя блуждать осуждена“²⁰⁾—все это говоритъ о чрезвычайной высотѣ идеализма Лермонтова.

Недаромъ онъ признавался, что душа его „съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала“, и всѣ образы его „не походили на существъ земныхъ“²¹⁾. Недаромъ онъ—авторъ чудеснаго стихотворенія „Ангель“, которому подобнаго нѣтъ въ нашей литературѣ, и которое все состоитъ изъ чистѣйшихъ „звуковъ небесъ“. Вѣдь это о себѣ поэтъ писалъ, о своей душѣ, что „долго на свѣтѣ томилась она, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ русскій поэтъ начала прошлаго столѣтія не считалъ такъ землю мѣстомъ своего изгнанія, тяжелаго заточенія, а другой невѣдомый міръ, о которомъ говорятъ звѣзды,—своей желанной родиной, не томился такъ въ „земной неволѣ“, какъ Лермонтовъ.

Поэтъ, слышавшій полеты ангеловъ и райскіе напѣвы, чутко проникавшій и въ мрачную душу одинокаго, непримирамаго демона, не могъ иначе смотрѣть на землю и людей, какъ *sub specie aeternitatis*. „Что люди, что ихъ жизнь и

¹⁸⁾ Отрывокъ „на жизнь надѣяться страшась“...

¹⁹⁾ „Смерть“.

²⁰⁾ „1811 г., іюня“.

²¹⁾ Тамъ же.

трудъ? Они прошли, они пройдутъ“,—вотъ мысль, которую Лермонтовъ вложилъ въ уста своего мрачнаго демона, и которая никогда не оставляла поэта, существеннымъ образомъ опредѣляя оцѣнку жизни и людей.

Обратите вниманіе, какими чертами рисуется у Лермонтова все земное, человѣческое, какъ онъ, нося въ своемъ сердцѣ „святое вѣчности зерно“, воспринимаетъ „бытія земного звуки“. Тоскливымъ и недобрымъ представляется этотъ свѣтъ, „гдѣ носитъ все печать проклятья, гдѣ полны ядомъ всѣ объята, гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ“²²⁾. Этотъ міръ жалокъ, „въ немъ каждый средь толпы забыть и сирь, и люди всѣ къ ничтожеству спѣшать“²³⁾.

Съ высоты возможнаго для человѣка полета „въ надзвѣздные края“ Лермонтовъ вмѣстѣ съ своимъ демономъ смотрѣлъ „безъ сожалѣнья, безъ участія“ на эту землю, „гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты, гдѣ преступленья лишь да козни, гдѣ страсти мелкой только жить“²⁴⁾. Не одинъ изъ героевъ Лермонтова сомнѣвается въ возможности счастья на землѣ и презираетъ „этотъ міръ ничтожный, гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ, гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,—гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ; гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожить; гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ, и гдѣ они, покорствуя страстямъ, раскаянье одно приносятъ намъ“²⁵⁾.

Въ прекрасныхъ лирическихъ созвучіяхъ намъ слышится глубоко продуманная и прочувствованная философія поэта, который съ одной и той же жаждой „звуковъ небесъ“, съ неизмѣнной мыслью о смерти и вѣчности приглядывался ко всѣмъ явленіямъ жизни и переоцѣнивалъ наши земныя цѣнности. Пылкая душа поэта, чуждая золотой середины, во всемъ усматривающая рай или адъ, со свойственной ей чуткостью улавливала каждое мельчайшее противорѣчіе, каждую нестройность, каждое пятнышко на пестромъ фонѣ жизни. Отъ остраго слуха, внимавшаго

²²⁾ „1 января 1831 года“.

²³⁾ „7 августа“.

²⁴⁾ „Демонъ“.

²⁵⁾ „Измаиль Бей“.

„пѣснѣ святой“, не ускользалъ ни одинъ фальшивый звукъ, и присутствіе послѣдняго уже нарушало видимую гармонію.

Глубокій взглядъ, отражавшій то мрачное сомнѣніе и муку гордаго познанья демона, то чистую вѣру чистѣйшаго существа, открывалъ „страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ“: „въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ, въ бреде любви—безстыдное желанье! Вездѣ обманъ безумства иль страданье“²⁷⁾. Какъ ужасала и тяготила поэта пошлость и ничтожество жизни, можно видѣть хотя бы изъ того, что смерть, несмотря на все свое отталкивающее безобразіе, казалась ему избавительницей, и онъ съ болью спрашивалъ себя, неужели онъ передъ смертью захочетъ жить опять. „Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ, ужели пытки бесполезныхъ думъ, ужель самолюбивая толпа, которая отъ мудрости глупа, ужели дѣвъ коварная любовь—прельстятъ меня передъ кончиной вновь?... Пускай меня охватитъ цѣлый адъ, пусть буду мучиться,—я радъ, я радъ, хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней, но только дальше, дальше отъ людей“²⁸⁾.

Не этотъ ли взглядъ на жизнь подсказалъ поэту его знаменитую „Думу“ пылкаго русскаго идеалиста, которому иногда казалось смѣшно „искать безсмертья на земли“, гдѣ люди „счастливы въ пыли“²⁹⁾, но который тѣмъ не менѣе искалъ на землѣ безсмертья, искалъ высокаго смысла жизни, предостерегая человѣческія поколѣнія отъ возможности такой перспективы: „толпой угрюмою и скоро позабытой, надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovитой, ни гениемъ начатаго труда“³⁰⁾.

Припоминаются заключительныя строки изъ поэмы Лермонтова „Ангель смерти“, гдѣ говорится о боязни каждаго передъ неизбежной встрѣчею съ нимъ, объ его мечѣ, пронзающемъ взоръ, объ его рѣчахъ, тревожащихъ насъ, „какъ злой укоръ, объ его объятыхъ—холоднѣй льда, объ его поцѣлуяхъ—проклятьяхъ. Это о себѣ говорилъ Лермон-

²⁷⁾ „Сказка для дѣтей“.

²⁸⁾ „Смерть“.

²⁹⁾ „Толпѣ“.

³⁰⁾ „Дума“.

товъ, и если посѣщаль его ангелъ смерти, то посѣщаль и ангелъ безсмертія, напѣвавшій „тихою пѣсню“ „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ, о Богѣ великомъ“. Въ непонятой современниками душѣ поэта, по его собственному признанію, жили „воспоминанья о далекой святой землѣ“, которыхъ не могъ заглушить „ни свѣтъ, ни шумъ земной“³¹⁾.

О душѣ поэта и сродныхъ ему по духу можно сказать его же словами: „Творецъ изъ лучшаго ээира соткалъ живыя струны ихъ, онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ“³²⁾. Чѣмъ грубѣе ударяла жизнь по этимъ струнамъ, тѣмъ сильнѣе лились изъ подъ нихъ тонкіе, упонительные „неба звуки“, купленные „цѣною муки“³³⁾, тѣмъ пламеннѣе становилась жажда неземного, жажда безсмертія.

„Боюсь не смерти я, о, нѣтъ! Боюсь исчезнуть совершенно“³⁴⁾... Вѣдь этотъ мятежный, сомнѣвающийся и ропщущій на Творца поэтъ, оказывается, носилъ такую глубочайшую увѣренность въ необходимости безсмертія, необходимости иного міра, иной жизни, былъ такъ чутокъ къ голосу религіи и такъ напряженно жилъ мыслью о вѣчности. Онъ, по собственному признанію, „каждый день безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ“, и жизнь ему казалась „какъ-то коротка“, и все онъ боялся, что не успѣетъ „совершить чего-то“³⁵⁾.

Какъ хорошо Лермонтовъ понималъ полную зависимость смысла жизни и міра отъ того или иного рѣшенія вопроса о смерти, значить—отъ религіи, говорятъ хотя бы слѣдующія строки въ одномъ изъ его писемъ: „Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это я послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не могу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи“.

Вотъ почему онъ такъ бился надъ рѣшеніемъ одного этого вопроса, вотъ почему и въ поэзіи его мотивъ исканій,

³¹⁾ „Аулъ Бастунджи“.

³²⁾ „Демонъ“.

³³⁾ „Я жить хочу! Хочу печали“.

³⁴⁾ „1830, мая 16 число“.

³⁵⁾ „1831 года, іюня 11“.

мятежныхъ вопрошаній и борьбы является преобладающимъ. Тѣмъ большій смыслъ получаетъ поэзія Лермонтова, тѣмъ знаменательнѣй порывы его души „изъ земной неволи“, жажда увидѣть „міръ новый“, тѣмъ выше, на ступень общечеловѣческаго слова, поднимается его „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“ и общечеловѣческой думы—его печальная дума о нынѣшнемъ поколѣннн, о нынѣшнемъ вѣкѣ, „блестящемъ, но ничтожномъ“.

Вѣдь этотъ поэтъ-скептикъ, съ демоническими припадками отчаянья, лепеталъ въ душѣ трогательную надежду на то, что „нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ чистѣйшимъ существомъ“³⁶⁾. Этотъ гордый, замкнутый въ себѣ изгнанникъ, презиравшій нашъ міръ, прозябающій „въ невѣдѣннн покойномъ“, молился „теплой заступницѣ міра холоднаго“ и не за свою душу „странника, въ свѣтѣ безроднаго“, но за „дѣву невинную“, прося дать ей „молодость свѣтлую, старость покойную, сердцу незлобному миръ упованія“³⁷⁾. Этотъ безпокойный гость земли, томившійся въ ея неволѣ, вѣчно повторявшій, что ему „и скучно, и грустно“, что жизнь—„пустая и глупая шутка“, способенъ былъ, какъ никто другой, смирать души своей тревогу, и на лицѣ его расходились морщины, когда онъ видѣлъ эту жалкую землю въ ея весенней красотѣ, и, видя, постигалъ счастье на землѣ, и въ небесахъ видѣлъ Бога. Этотъ сомнѣвающійся и ропщущій демонъ зналъ „силу благодатную“ той чудной молитвы, отъ которой „съ души, какъ бремя, скатится сомнѣнье далеко, и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“.

Онъ вѣровалъ, что „для небснаго могилы нѣтъ“, и, побѣждая этой вѣрой страхъ смерти, могъ думать безъ всякаго ужаса про свой „довременный конецъ“, даже больше того желалъ его, говоря: „давно пора мнѣ міръ увидѣть новый“.

Если Лермонтову часто было „такъ больно и такъ трудно“, если онъ отчаивался и не ждалъ ничего ни въ этой жизни, ни въ вѣчности, то происходило это отъ остро сознаваемой и глубоко переживаемой, страшной разобщен-

³⁶⁾ Отрывокъ „На жизнь надѣяться страшась“...

³⁷⁾ «Молитва странника».

ности между идеаломъ и дѣйствительностью, между небомъ и землей, между вѣчностью и временемъ. Поэтъ былъ несчастенъ тѣмъ, что „небо и звѣзды—небо и звѣзды“, а онъ—человѣкъ, и завидовалъ не людямъ, а „звѣздамъ прекраснымъ“, убѣжденно повторяя, что онъ „только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ“³⁸⁾.

Эти звѣзды говорили ему, что „есть рай небесный“, „но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ то ядь“³⁹⁾. Поэтъ страдалъ отъ несовершенства человѣческаго вообще и своей пылкости и раздвоенности въ частности, и самъ хорошо понималъ, что оттого происходятъ всѣ мученія человѣка, что „лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло священное съ порочнымъ“⁴⁰⁾.

Онъ со слезами каялся въ своемъ пристрастии къ „мученіямъ земли“, къ ея страстямъ, мраку могильному, такъ какъ въ той же самой душѣ жила палящая жажда принятія гдѣ то слышанныхъ Божьихъ рѣчей, звучали отголоски той невыразимой „пѣсни святой“, которой въ тихую ночь внимали „и мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой“. Въ этой душѣ звучалъ голосъ бунтующаго демона, раздавались слова проклятья и ропота, но въ ней же лежала и набожная грусть, благоговѣйная печаль созерцанія передъ святыней вѣрующей души: „прозрачный сумракъ, лучъ лампады, кивоть и крестъ символъ святой... Все полно мира и отрады вокругъ тебя и надъ тобой“.

Онъ близокъ былъ къ этому миру, но онъ же, мятежный, искалъ бури, „какъ будто въ буряхъ есть покой“⁴¹⁾.

Тутъ тѣни и свѣтъ русской души, вѣчно недовольной собою и настоящимъ, скорбно ищущей, порывистой, мрачно ропшущей и пламенно кающейся, исполненной нездѣшняго свѣта, великой въ своихъ паденіяхъ и возстаніяхъ, въ своемъ исканіи Бога, высшей правды на землѣ, въ постиженіи смысла существующаго, въ своихъ сумеркахъ колебанія между жизнью и смертью, на мертвой точкѣ страха передъ той и другой, и въ своемъ озареніи и ут-

³⁸⁾ „Небо и звѣзды“.

³⁹⁾ „1831 года, іюня 11“.

⁴⁰⁾ „Вѣтка Палестины“.

⁴¹⁾ „Парусь“.

верженіи на вѣчной основѣ общей вѣры въ безсмертіе и въ „міръ иной“.

В. Азбуккинъ.

Замѣтка объ освященіи новаго зданія Успенской г. Орла церковно-приходской школы.

Сего 1914 года, августа 31 дня, въ Успенской г. Орла церковно-приходской школѣ было совершено торжество. Въ этотъ день освящалось вновь выстроенное зданіе подѣ церковно-приходскую школу. Старое школьное помѣщеніе, существовавшее 24 года, за тѣснотой и негигиеничностью, закрыто. Новое школьное зданіе, выстроенное на личные средства Орловскимъ купцомъ Василиемъ Ильичемъ Ивановымъ, имѣетъ же и оборудованное классною мебелью и другими необходимыми принадлежностями, просторное, свѣтлое и сухое. При школѣ имѣется квартира для учительницы. Освященіе новаго школьнаго зданія совершилъ завѣдующій школою протоіерей А. Рождественскій послѣ поздней литургіи вышеозначеннаго числа. При освященіи присутствовали протоіерей Покровской г. Орла церкви Алексѣй Степановичъ Уляшенко, строитель и попечитель школы Орловскій купецъ Василій Ильичъ Ивановъ, весь приходскій Совѣтъ Успенской церкви, учащіе въ школѣ и учащіеся въ ней и много родителей учащихся. Во время молебна протоіерей А. Рождественскій сказалъ назидательное слово для учащихся и благодарилъ отъ лица прихожанъ строителя школы за крупную жертву, принесенную имъ на дѣло народнаго образованія. Закончилось освященіе многолѣтіемъ Государю Императору Николаю Александровичу и Всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Преосвященнѣйшему Григорію, Епископу Орловскому и Сѣвскому, строителю школы, учащимъ и учащимся, Христіюлюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Пѣвчіе Успенской церкви пропѣли многолѣтіе, молитву за Царя и Отечество и исполнили народный гимнъ. По окончаніи всего учительница Н. Боженова предложила почетнымъ гостямъ чай. Сентября 18 дня 1914 года.

Завѣдующій школою *прот. Алексѣй Рождественскій.*

Достойно подражанія.

Недавно вышла въ свѣтъ интересная и многосодержательная брошюра Г. А. Василевскаго „Баптизмъ и свобода воли“. СПБ. 1914 г.

Въ этой брошюрѣ помимо прекрасныхъ разсужденій о природѣ Церкви, объ основѣ баптизма, о догматѣ и культѣ, сказано нѣсколько словъ и о томъ, почему сектанты такъ любятъ посѣщать молитвенныя собранія, и почему эти собранія производятъ на всѣхъ, даже на постороннихъ и случайныхъ посѣтителей, такое могучее, а ивогда и неотразимое впечатлѣніе.

Вопросъ этотъ чрезвычайно важный и серьезный и онъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться и подробнѣе обсудить его.

Та баптистка, которая выведена Василевскимъ въ поименованной брошюрѣ, по затронутому нами вопросу говоритъ вотъ что:

„Я особенно любила собранія, на которыхъ бывають такъ называемыя свидѣтельства, когда вѣрующіе разсказываютъ, что они сдѣлали для Бога. Въ краткихъ разсказахъ проходятъ предъ глазами живыя трогательныя картины ихъ вѣры и жизни. Напримѣръ, узнаешь, какъ пьяница и пропащій человекъ долго допрашивалъ товарища-баптиста,— правда ли, что Богъ его, пьяницу, любитъ? И какъ, сомнѣваясь, заставилъ его три раза повторить это, глядя въ глаза не мигая, и какъ потомъ, повторивши, что Богъ его, пьяницу, любитъ, пошелъ, сейчасъ же закинулъ свой кисеть съ табакомъ въ канаву, а водку изъ бутылки вылилъ въ лаханъ и бутылку тутъ-же разбилъ, чтобы больше уже никогда не пить. 14-лѣтняя дѣвушка разсказываетъ, какъ дряхлый дѣдушка три дня передъ смертью радовался, узнавши отъ внучки, что Христосъ искупилъ его грѣхи и приметъ его грѣхи. 40-лѣтній мелкій железно-дорожный служащій, бывшій горькій пьяница, разсказывалъ, какъ недавно въ компаніи прежнихъ знакомыхъ поддался имъ и палъ и, потерявши сразу всю свою силу, въ отчаяніи брелъ по улицѣ, чувствуя себя опять во власти тьмы. Но какъ встрѣтилъ случайно брата по вѣрѣ, разсказалъ ему все про себя, и

какъ они вмѣстѣ тутъ-же на панели молились, и какъ онъ былъ возстановленъ этой молитвой.

Я могла бы безъ конца, вспоминая, рассказывать въ такомъ родѣ. Моя память хранить много. Слушаешь бывало, а страницы жизни сами перелистываются, раскрывая невѣдомый міръ народнаго сердца¹⁾.

Да, этотъ пріемъ производитъ сильное и неотразимое дѣйствіе на чуткія впечатлительныя души посѣщающихъ молитвенныя собранія сектантовъ. И кто былъ на этихъ собраніяхъ и слушалъ повѣствованія объ обращеніяхъ и исцѣленіяхъ, тотъ такъ говоритъ по поводу всего видѣннаго и слышаннаго:

— „Чувствуешь какой-то подъемъ. Испытываешь сильное радостное волненіе. И невольно кажется, что вѣра сектантовъ истинна, что и она отъ Бога, потому что „такихъ дѣлъ никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“.

Такъ что, если кто колебался въ правдѣ сектантства, тотъ на собраніяхъ окончательно убѣждался въ ней. А кто никогда и не раздѣлялъ заблужденій „религіозныхъ отщепенцевъ“, у того невольно закрадывались въ душу симпатіи и довѣріе къ оспариваемому нами вѣроученію.

И сектанты поняли это и потому практикуютъ этотъ излюбленный стратегическій пріемъ постоянно и вездѣ. Даже на конференціяхъ, гдѣ присутствуютъ исключительно убѣжденные, такъ сказать заядлые баптисты, и тамъ чуть ли не каждое засѣданіе²⁾ начинается описаніемъ тѣхъ „великихъ и богатыхъ милостей, какихъ сподобилъ ихъ Господь Богъ“.

Не мѣшало бы и намъ въ противовѣсъ сектантской пропагандѣ, для успѣха нашей миссіи завести и у себя подобнаго рода собранія, на которыхъ бы обратившіеся отъ пути грѣха и гибели и окончательно разочаровавшіеся въ сектантствѣ дѣлились бы своими переживаніями, своимъ религіознымъ опытомъ съ братьями по вѣрѣ и этимъ бы подкрѣпляли ихъ въ вѣрѣ, удаляли отъ сектантовъ и тѣснѣе спланивали бы всѣхъ во-едино.

¹⁾ Стр. 18—19.

²⁾ „Протоколы конференцій“, см. у еп. Алексія: „Матеріалы“...

Даже если бы таковых и не находилось, то и въ такомъ случаѣ, для пользы дѣла, нужно было бы опубликовать предъ собравшимися ревнителями вѣры и благочестія тѣ „чистосердечныя признанья въ дѣлахъ и помышленіяхъ“, какія сдѣланы ушедшими отъ сектантовъ въ другихъ мѣстахъ и приходяхъ. И когда голоса таковыхъ доходили бы до свѣдѣнія колеблющихся и сомнѣвающихся, они бы дѣйствовали отрезвляюще и не давали бы таковымъ возможности идти дальше въ направленіи появившихся подъ вліяніемъ сектантской пропаганды стремленій. А искренно преданныхъ православной вѣрѣ навсегда застраховывали бы отъ измѣны вѣрѣ отцовъ и прадѣдовъ.

Я думаю, что противъ этого никто изъ пастырей церкви не станетъ протестовать и никто, кому дороги интересы нашей миссіи, не станетъ оспаривать продуктивности и цѣлесообразности рекомендуемаго нами полемическаго приѣма.

Остается только пожелать, чтобы всѣ эти „признанія“, „повѣствованія“, „исповѣди“, „открытыя письма“, „разоблаченія“ и т. п. были собраны въ отдѣльную книгу для назиданія чадамъ православной Церкви.

Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ или два отрывка изъ тѣхъ „открытыхъ писемъ“, опубликованіе которыхъ, какъ сказали мы выше, особенно желательно среди нашихъ пасомыхъ.

Открытое письмо крестьянина Бойко православнымъ христіанамъ о томъ, какъ онъ созрѣлъ въ баптизмъ и позналъ потомъ ложь этого ученія.

„Я—крестьянинъ Алексѣево-Орловской волости, Таганрогскаго округа, Евфимій Даниловъ Бойко. Въ 1906 г., когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, я переѣхалъ изъ своей деревни въ Ростовъ—на—Дону, и вскорѣ поступилъ кучеромъ къ одному зажиточному хазяину. Прожилъ я на мѣстѣ около двухъ недѣль и вижу, что хозяева жалѣютъ меня, какъ своего сына. Одно меня смущало: хозяева говорятъ по русски, вспоминаютъ часто имя Господа нашего Иисуса Христа, а сами не крестятся, въ домѣ не имѣютъ иконъ и, несмотря на Великій постъ, ѣдятъ мясо. Подходить праздникъ Пасхи. Хозяинъ и говоритъ мнѣ: „Евфимій! Сегодня—пятница: пойдемъ въ баню“. Я согласился. Когда мы раздѣлись, хозяинъ

увидаль у меня на шеѣ крестъ и говоритъ „Скажи пожалуйста, Евфимъ, какую онъ тебѣ приноситъ пользу?—только шею третъ“.—А почему—же крестъ носить всѣ православные христіане?—отвѣтилъ я. „Они—люди темные и не знаютъ Писанія, а въ Писаніяхъ запрещено поклоняться кресту“. Послѣ этого снялъ съ меня крестъ и бросилъ его въ отхожее мѣсто, а меня началъ водить въ собранія баптистовъ, гдѣ онъ былъ старшимъ—пресвитеромъ. По своей юности и темнотѣ, я увлекся сладкими рѣчами и жалобными напѣвами баптистовъ и принялъ ихъ крещеніе. Такими хорошими и добрыми показались мнѣ новые мои братья! И цѣлыхъ пять лѣтъ пребывалъ я въ ихъ средѣ.

Но, благодареніе Господу! постепенно сталъ замѣчать, что благочестіе и набожность баптистовъ—лицемѣрныя. Они, по слову апостола, „имѣли только видъ благочестія, силы же отверглись“ (Тим. 3 гл. 5 ст.). Обвиняя православное духовенство въ томъ, что оно за свой трудъ получаетъ вознагражденіе, сами на своихъ собраніяхъ обременяли членовъ всякими общинными взносами и своимъ пресвитерамъ и проповѣдникамъ выдавали большое жалованье. Изображая изъ себя людей трезвыхъ, баптисты не прочь были покутить въ ресторанахъ и прокатиться на автомобиляхъ, какъ это дѣлалъ регентъ хора ростовской общины Антоновъ на занятія у брата Марченко деньги. Проповѣдуя цѣломудріе и воздержаніе, въ тоже время баптисты бросали своихъ законныхъ женъ и вступали въ связь съ посторонними женщинами. И кто же это дѣлаетъ? Не рядовые братья, а самъ-пресвитеръ ростовскихъ баптистовъ—отецъ 7 дѣтей, котораго братья въ часъ ночи поймали съ одной дѣвушкой возлѣ тюрьмы. Вотъ до чего доходитъ двуличіе и фарисейство баптистовъ, такъ жалобно распѣвающихъ свои псалмы!

Разочаровавшись въ ростовской общинѣ, я въ 1911 году переѣхалъ въ Одессу, гдѣ и поступилъ на работы по ремонту дома въ 120 тысячъ рублей—пресвитера Макаренко. Работа была очень тяжелая. Я надорвался, заболѣлъ и слегъ въ больницу, гдѣ и пролежалъ 19 дней. Выписавшись изъ больницы, ослабѣвшій силами, нищій и убогій, я обратился къ пресвитеру Макаренко съ просьбой—занять мнѣ пять рублей. Но Макаренко, со слезами говорящій о помощи бѣд-

нымъ, сухо мнѣ отвѣтилъ: „у меня не заемный банкъ“. Слава Богу, вразумившему меня обратиться въ Одесскія епархіальный домъ! Здѣсь меня согрѣли и по христіански обласкали. Со слезами и чувствомъ истиннаго раскаянія обратился я какъ блудный сынъ къ одесскому владыкѣ, который и разрѣшилъ принять меня снова въ православную Церковь.

Все это написалъ я, дорогіе братья и сестры, не ради пустого тщеславія, а дабы предостеречь васъ отъ волковъ въ овечьихъ шкурахъ. „Не всякому духу вѣрьте, но испытайте: отъ Бога ли они, потому что много ложныхъ пророковъ появилось въ мірѣ“ (1 Іоан. IV гл. 1 ст.). Истину вамъ говорю: всѣ вожаки сектантовъ—Мазаевы, Бойченковы, Фетлеровы, Одинцовы, Павловы, Макаренко и другіе—только совращаютъ православныхъ на путь гибели. Зорко слѣдите за ними и не поддавайтесь льстивымъ рѣчамъ лицемеровъ. Молитесь и за меня Господу Богу, чтобы Онъ утвердилъ меня въ вѣрѣ, въ любви, въ кротости и смиреніи... Мое неизмѣнное желаніе—принести возможную пользу св. православной Церкви. И потому не буду пребывать въ молчаніи, но имѣю намѣреніе обличать и увѣщевать баптистовъ, выставляя на видъ ихъ ложное благочестіе. Если кто изъ православныхъ пожелалъ бы мнѣ написать, то обращайтесь въ Ростовъ-на-Дону, въ ротонду городского сада. ¹⁾

Присоединившійся къ православной Церкви братъ

Евфимъ Даниловъ Бойко.

23 января 1913 г.

Таганрогъ.

Другое „открытое письмо“, въ этомъ родѣ составленное и адресованное на имя представителя Екатеринодарской баптистской общины Григорія Акимовича Бойченко и всѣхъ его единомышленниковъ, принадлежитъ перу бывшего баптиста Кныша, тоже разочаровавшагося въ сектантствѣ. Помѣщено оно въ журналѣ „Миссіонерское Обзорѣніе“ за 1912-й годъ, № 11-й, стр. 698—702.

Но самое лучшее „Открытое письмо“ это секретаря С.-Петербургской баптистской общины Ф. Птицына къ наставнику баптистовъ В. Фетлеру. Письмо это помѣщено въ „Приходскомъ Читеніи“, въ 17—20 №№ за 1911-й годъ. Письмо

¹⁾ «Колоколь», № 1757. 1912 г. 15 февраля.

это цѣнно въ томъ отношеніи, что Ф. Птицынъ вскрылъ посредствомъ его всю подноготную внутренней жизни петербургской общины баптистовъ, со всѣми ея ужасами, неправдами, преступленіями, ссорами, дразгами и безобразіями. Его „разоблаченію“ можно вполнѣ повѣрить, потому что его дѣлаетъ „свой“ человѣкъ и притомъ близкій, пользовавшійся особымъ почетомъ и состоявшій въ числѣ передовыхъ братьевъ общины. Вѣдь Птицынъ былъ членомъ общины, секретаремъ общины, проповѣдникомъ, завѣдующимъ и руководителемъ молитвенныхъ собраній, кассиромъ, секретаремъ книгоиздательства „Полезной литературы“ и журнала „Гость“ и т. д. и т. д. Такому человѣку въ знаніи баптистовъ отказать нельзя и въ искренности его письма сомнѣваться невозможно. Вотъ почему оно цѣнно и важно для миссіи.

Мы указали только три письма. Но если умѣло воспользоваться и этими тремя письмами, то можно при помощи ихъ многого достигнуть, многое разоблачить, во многихъ подорвать вѣру въ „мнимую“ святость сектантовъ, въ мнимыя ихъ добродѣтели, братство и любовь.

Если же собрать такихъ „открытыхъ писемъ“ побольше, то получился бы превосходный сборникъ, который оказалъ бы незамѣнимыя услуги противосектантской миссіи, и сдѣлался бы своего рода настольною книгою для каждаго пастыря, для каждаго миссіонера, для всякаго ревнителя православія.

Свящ. А В.

Къ пастырямъ Орловской епархіи.

Въ ночь съ 4-го на 5-е сего сентября сгорѣлъ домъ и все имущество священника с. Игрицкаго, Сѣвскаго уѣзда, о. Андрея Медвѣдева.

Сгорѣли скотъ, птица (кромѣ одиннадцати гусей) и все движимое на дворѣ; сгорѣло все въ домѣ, включая обувь и верхнюю носильную одежду; сгорѣли даже деньги, сберегаемыя для отправки дѣтей въ училище—149 р. жалованья и 170 р., полученныхъ за мобилизованную лошадь. Да что деньги и имущество?! Обгорѣло двое малыхъ дѣтей!!! (Всѣхъ дѣтей девять человѣкъ!).

Самъ о. Андрей находился въ Орлѣ, какъ депутатъ Епархіальнаго Съѣзда, и узналъ объ этомъ ужасѣ только 6-го утромъ, въ субботу, и вечеромъ, съ разрѣшенія Его Преосвященства, уѣхалъ домой.

Пишущій сіе хотѣлъ тогда же обратиться къ о.о. и г.г. депутатамъ за помощью погорѣльцу; но Предсѣдатель Съѣзда, самъ потрясенный этимъ событіемъ, все же не разрѣшилъ сдѣлать этого предложенія,—такъ какъ, по закону, оказывать помощь погорѣльцамъ не входитъ въ кругъ обязанностей Епархіальныхъ Съѣздовъ.

Пастыри Церкви Орловскія!

Собрать нашъ потерпѣлъ это страшное бѣдствіе, самъ находясь на чредѣ своего служенія, въ качествѣ депутата, вдали отъ дома и семейства!

Будь онъ дома, все могло бы быть иначе: спасены были бы хотя деньги, съ такимъ тщаніемъ сберегаемыя, и, во всякомъ случаѣ, не попали бы въ огонь бѣдныя дѣти!

Къ вамъ наша просьба, добрые пастыри! Помогите своему собрату!

Сочувствуя въ душѣ его великому горю, помогите ему и матеріально.

Свои пожертвованія, хотя по полтиннику, благоволите, для удобства, сдавать окружнымъ о.о. благочиннымъ, а сіи послѣдніе благоволятъ направлять пожертвованія по слѣд. адресу: Почт. Отд. Лугань, Орл. губерніи, потерпѣвшему.

Потщитесь, дорогіе отцы и братія, ничто же коснѣе!

Депутатъ священникъ *Іоаннъ Нефедьевъ*.

Х Р О Н И К А.

16 сентября, съ дневнымъ поѣздомъ прибылъ въ Орель Преосвященнѣйшій Теофанъ. Епископъ Рыльскій, Викарій Курской епархіи, бывшій питомецъ мѣстной духовной семинаріи. Владыка остановился въ покояхъ Епископа Григорія.

17 сентября Преосвященнѣйшій Теофанъ совершилъ въ Крестовой церкви, что при архіерейскомъ домѣ, литургію, за которою были рукоположены въ санъ священника къ Рождество-Богородицкой церкви села Теляжья, Малоархангельскаго уѣзда, новорукоположенный діаконъ Константинъ Колобашкинъ и въ санъ діакона назначенный на священническое мѣсто къ церкви села Жерновца, Кромскаго уѣзда, псаломщикъ Николай Островъ.

По окончаніи литургіи былъ отслуженъ Владыкою молебенъ съ чтеніемъ акаѣиста Успенію Божіей Матери.

19 сентября, Преосвященнѣйшій Теофанъ совершилъ литургію въ Крестовой церкви архіерейскаго дома. За ли-

тургією былъ рукоположенъ въ санъ священника къ Покровской церкви села Жерновца, Кромского уѣзда, ново-рукоположенный діаковъ Николай Островъ и въ санъ діакона назначенный къ церкви села Дмитровскаго Васильевки, Орловскаго уѣзда, окончившій курсъ Орловской духовной семинаріи Александръ Любимцевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Художественно-иконостасная мастерская Ивана Демьяновича ГОНЧАРЕНКО.

Принимаются заказы на иконостасы, кіоты, горнія мѣста-жертвенники съ рѣзбой и позолотой, а также изъ натурального дерева: дубоваго, соснаго и орѣховаго съ позолотой и безъ оной.

Отдѣлка стѣнъ внутри храмовъ живописью и орнаментами по образцамъ выдающихся художниковъ.

Позолота главъ и крестовъ. Образа пишутся на деревѣ, цинкѣ и холстѣ.

Чеканка и эмалировка на деревѣ и цинкѣ.

Дмитровскъ, Орловской губ., соб. домъ.

С о д е р ж а н і е. 1. Война, Россія и славянство. 2. Церковное импровизаторство. 3. „Съ русскою душой“. 4. Замѣтка объ освященіи новаго зданія Успенской г. Орла церковно-приходской школы. 5. Достойно подражанія. 6. Къ пастырямъ Орловской Епархіи. 6. Хроника. 7. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи

Протоіерей **В. Сахаровъ.**

Печатать дозволяется. Цензоръ, протоіерей **Т. Чижевъ.**

№ 38 сданъ на почту 23 сентября.

Орель. Электрическая Типографія Губ. Правленія.